

Финалист премии
«Национальный
бестселлер» 2016

МИХАИЛ ОДНОБИБЛ

О ЧЕРЕДЕ

1

3

Самое время!

Михаил Однобибл

Очередь. Роман

«WebKniga»

2015

УДК 82-3
ББК 84(2=411.2)6-4

Однобибл М.

Очередь. Роман / М. Однобибл — «WebKniga», 2015 — (Самое время!)

ISBN 978-5-96-911566-8

Обостренный интерес книжников сфокусировал на этой книге литературный критик Лев Данилкин: он в рукописи выдвинул «Очередь» на премию «Национальный бестселлер». Имеет ли вообще рукопись право на звание бестселлера? Вот чуть не получила, была одним из двух главных претендентов на лавры. А когда победителем, с перевесом в один голос, был назван Леонид Юзефович, он счел необходимым заявить: «Если бы председателем жюри был я, то присудил бы победу Михаилу Однобиблу». Роман совершенно особенный, возникший, как считает автор, «из разницы ощущений гор и города», писавшийся шестнадцать лет на удаленной станции Кавказского заповедника и краткому пересказу не поддающийся. В центр повествования забрел, по словам автора, «последний нормальный человек — учетчик сезонных бригад». Что из этого вышло? Вышла «Очередь» — «серьезная, странная и страшная книга о той очереди, в которой стоим мы все и которая называется жизнью» (Сергей Волков).

УДК 82-3
ББК 84(2=411.2)6-4

ISBN 978-5-96-911566-8

© Однобибл М., 2015
© WebKniga, 2015

Содержание

Отзывы	5
1. Метель в апреле	7
2. Свидетель спора	14
3. Хфедя	27
4. В горсаду	30
5. Проверка вещей	34
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Михаил Однобибл

Очередь: Роман

Единственной сестре моих сыновей и племянников

ОТЗЫВЫ

Автор приглашает нас в реальность, находиться в которой одновременно и страшно, и тягостно, и увлекательно. Возможно, секрет не столько в сюжете, сколько в стиле (прочитаете – поймете). Человек, скрывшийся за псевдонимом Михаил Однобибл, не предпринял никаких усилий по пиару своего романа, видимо, справедливо полагая, что текст всё скажет сам за себя. Так и оказалось.

Сергей Оробий

Книга Михаила Однобибла – сенсация Нацбеста. И то, что маятник премии, качнувшись, чуть-чуть было не замер, указывая на нее, – и всё же не указал, делает сенсацию еще более очевидной. Это серьезная, странная и страшная книга о той очереди, в которой стоим все мы и которая называется жизнью. Это мы гадаем о том, что там, за заветными дверями, к которым очередь ведет. Все позднесоветские реалии (а дело происходит в 1980 году) узнаваемы – и подвергаются при этом гротескной трансформации, превращая текст в мощный кафкианско-платоновский гимн. Причем школа Кафки и Платонова пройдена автором не по верхам, он научился в этой школе вещам глубинным. И этот сложно построенный, трудный текст «выстрелил» настоящим, не холостым залпом.

Сергей Волков

Читаю и не понимаю: что это? зачем это? Не въезжает мозг в игольное ушко этой прозы... Однобибл! Помоги мне! Спаси меня!.. Унылый мир, унылые персонажи... Унылость – сделанная, искусственная, намеренная. Она заложена в текст специально, чтобы меня позлить, чтобы я почувствовал отторжение... Хотя, если в памяти ковырнуть, в таких очередях я стоял. Последний раз – в пенсионном фонде. В очереди в военкоматах стоял. В милиции стоял, в паспортный стол. В налоговой стоял тоже. В поликлиниках и т. д. То есть, в принципе, это мое чтение. Моя, в принципе, эта проза. Проза стояния в очередях. Проза оправдания себя, в этих очередях стоявшего. И оправдания себе подобных, которые в них стояли тоже. И ненависти к тем сукам, которые пытаются без очереди проникнуть в очередь, где стою я («Ты здесь не занимало!»). Нет, товарищи дорогие, проза эта близка мне. Так близка, что ногти у меня на ногах заворачиваются в спираль из чувства солидарности и протеста.

Александр Етоев

Человек-загадка неожиданно врывается в последний круг борьбы за главный приз. Впрочем, этот текст все равно должен был всплыть, здесь или там, сейчас или позже: такой мистической энергетической силой он обладает. Силой настоящего художественного произведения, которое само себя толкает куда надо.

Невыносимо признавать, что этот безумный мир, не поддающийся здравому смыслу, – ровно то, что сегодня происходит у нас за окошком... Роман мог бы быть написан про «Похороны», «Аэропорт» или, скажем, «Отдел» – не важно; он все равно был бы, как и сейчас, достаточно тщательно выписан и глубоко продуман, чтобы не сравнивать его с другими книгами,

не относить к одному какому-то жанру, не благодарить лишь за сатиру на наше сегодня или только за блестящий текст, такой сильный, что доводит иногда до тошноты.

Из «Очереди» можно (и нужно) долго вытаскивать новые и новые ключи и смыслы: в этой небольшой книге, которую быстро прочитать не получится физически, материала хватит. Для этого надо, чтобы о ней узнало как можно больше людей. Самое ближайшее, что может этому помочь: победа в «Нацбесте» и издание на бумаге.

Владимир Панкратов

«Очередь» – многослойный символический роман, предусматривающий бесконечное количество трактовок. Он обязательно должен быть прочитан. Это именно из того разряда не одноразовых текстов, которые начинают жить, раскрываться, разворачиваться и пестреть смыслами в зависимости от прочтений, от широты читательской практики, эрудиции и чувствительности. Иначе он, будто сундук с сокровищами, будет замкнут и отгорожен от мира. Не познан.

Стиль и язык книги не броский, простой, без чрезмерно ярких, вычурных красок, спокойный, так и хочется сказать: иконописный. Удивительная книга. Это отдельный символический мир, который создал автор, раскрывающий перед читателем многие миры и смыслы. Спектр света.

Андрей Рудалев

1. Метель в апреле

Впервые учетчик попал в город в апреле 80-го, за полгода до привода в райотдел права.

Он и старый Рыморь, бессменный бригадир сезонных рабочих, вместе перемогали зиму. Заодно присматривали места весенней работы. Они знали, что с наступлением тепла на дороги и проселки выйдут ватаги голодных сезонников, и готовились выбрать лучших рабочих, прежде чем их заберут в другие бригады. Чтобы нанимать быстро, Рыморь должен был знать объем и характер предстоящей работы.

На шестой месяц холодов, после звонких солнечных капель и пробирающих до костей ночных заморозков, когда весна манит, а зима не отпускает, ожидание сезонных работ, веселой дружной суеты их начала делается невыносимым. В ясные дни Рыморь и учетчик держались лесных опушек, где сильно чувствовалась весна: деревья смягчали порывы ветра, на проталинах проклевывались из земли первые ростки, а по лужам бодро скользили водомерки.

К населенным пунктам Рыморь не приближался даже на расстояние видимости ночных огней. Жаловался, что слепит слабые глаза, что он стар и пора на покой. Но его спутник подозревал, что матерый отщепенец темнит. Когда бригадир был моложе, он находил другие отговорки, лишь бы не ходить в город, напрочь заслониться просторами, лесами, туманами от завораживающего мерцания огней, властного зова причудливых звуков, сладкого дурмана дымов. Один из редких сезонников, он долгие годы уклонялся от затягивания на зиму в душную городскую круговерть, перебивался скудными случайными заработками и холодными временными ночлегами. Но к середине весны и бригадирские запасы терпения иссякали.

А тут еще одним апрельским днем завьюжило. К вечеру метель белой мглой неслась по лесу и лугу. Под мощными порывами ветра путники вышли на заброшенный лесной тракт. Снег все усиливался. Деревья гнулись и заунывно скрипели. Старая осина рухнула за спиной учетчика, хлестнув его концами ломких веток. Их обоих разом могло накрыть грузной раскидистой кроной. Они шли друг за другом, держась за веревку, чтобы не потеряться, и каждые полчаса менялись местами, так как первый уставал больше второго, пробивая путь в снегу. Это был испытанный способ. И немало метелей они преодолели вдвоем. Но в этот раз Рыморь нервничал сильнее обычного. «Что с погодой? – хрипло кричал он сквозь рев ветра. – В старые апрели я не помню таких метелей!» Он затравленно озирался, по-лошадиному фыркал, часто без толку нюхал воздух (вихри крутили и перемешивали запахи). Он не знал, куда идти, когда шел первым. А когда шел вторым, все медленнее и тяжелее волокся за молодым вожатым.

Наконец, бригадир бросил веревку и стал зарываться в снег под пихту. Для тепла он наломал хвои. Старый барахольщик выудил из вещмешка запасенную где-то на колхозном пастбище длинную дудку прошлогоднего борщевика. Через сухой полый стебель Рыморь собирался дышать, когда снежная толща укроет его с головой. Отчаяние, к которому он был близок в пути, уступило место деловитости. Лично его такой ночлег не пугал. Но учетчик не хотел ложиться в снежную могилу рядом с уставшим от жизни стариком, особенно теперь, в двух шагах от весны. Может, они не замерзнут. Однако и долгая неподвижность представлялась ему невыносимой. Ни за что он не сможет уснуть, а будет беспрерывно ворочаться под душным снежным одеялом в стремлении выставить на поверхность голову и посмотреть, не улеглась ли метель, не показались ли звезды в преддверии ясного утра (наверняка это была последняя агония зимы перед решительным наступлением тепла). Остаться одному на завьюженной лесной дороге тоже было жутко. Из чувства товарищества и от страха он готов был нести спутника на себе, но как его ни уговаривал, как ни пугал шальной волчьей стаей, которая учует запах бригадира через дыхало борщевика и разроет сугроб, Рыморь не сдвинулся с места. Учетчику пришлось идти в метель одному. Перелезая ветровал, он провалился в незаметную под снегом

пустоту и больно ушиб колено. Быстро уставая, он часто отдыхал, но не подолгу, чтобы не сморил сон. Без движения, пусть бесцельного, он бы превратился в ледышку.

Уже начало светать, когда он случайно вышел на довольно широкую дорогу, вероятно, лесовозную. Она угадывалась по деревьям на обочинах. Ни людей, ни машин не виднелось в снежных заносах. Но когда-то, судя по тому, что дорога ветвилась, а за деревьями сквозили проплешины, здесь велись большие рубки. Учетчик брел наугад, не запоминая развилок. Он выбился из сил и ждал только наступления дня и окончания метели, а там видно будет.

Поэтому его так ошеломил выплывший на него угол громадного здания – его верхние этажи терялись в снежной мгле. Учетчик замер. Откуда оно в лесу? Может, мираж. Результат усталости, весеннего истощения и многочасового кружения перед глазами метельных вихрей. Однако нет, здание не было видением. Слишком властно выступал в пространство его жесткий слепой торец, слишком ровно швы расчерчивали его на квадраты бетонных панелей, и четко читалась табличка с адресом «ул. Космонавтов, 5». А главное, дом был теплым. Морозный узор чуть тронул окна первого этажа, их учетчик видел ясно. Судя по открытым форточкам и цветущему виду комнатных растений, в помещениях стояла жара. Даже из подвала, через продолговатую отдушину в цоколе здания тянуло сладковатой земной прелью и еще каким-то теплым смрадом. Ни в лесу, ни в селе учетчик не слышал таких запахов. Это был насквозь городской дом.

Учетчик наклонился и заглянул через отдушину в подвал. Большая его часть тонула во мраке. Только далеко в глубине виднелось тусклое пятно от низко висящей лампы. Она освещала профиль игрока, хищно склонившегося над шахматной доской. Напряженный подбородок крепко упирался в сжатый кулак. В ожидании, пока он сделает ход, его противник дремал, откинувшись назад и скрестив на груди руки. Кто были эти люди? На что они играли, быть может, ночь напролет? Наверно, правду говорят, что город никогда не спит. Странно, пока учетчик смотрел в подвал, он не слышал метели. Но стоило поднять голову, она свистела вокруг с неослабевающей силой.

Он с трудом отвел взгляд и, крадучись, пошел под балконами первого этажа вдоль длинной стены здания. Под бетонным козырьком подъезда учетчик различил силуэты людей. Они чего-то ждали неподвижно и молча, некоторые сидели на корточках, вяло свесив руки, поднося к губам огоньки сигарет, но какая-то терпеливая сила чувствовалась в их невозмутимых позах.

Хотя учетчик никогда не был в городе, он слышал о нем от временных рабочих, из лета в лето сменявшихся в его бригаде. Многие из них бывали «на Космонавтов» или знали про это место и, видимо, так свыклись с ним, что слово «улица» для краткости опускали, без него было ясно, о чем речь. И сейчас учетчик почувствовал власть «Космонавтов», некую непреложную необходимость, вынудившую людей ночью прийти сквозь метель на холодное крыльцо.

По загородным рассказам учетчик знал, что пятиэтажки «на Космонавтов» находятся в центре города и выйти под их стены из леса невозможно. Расспрашивать собравшихся на крыльце, как такое приключилось с ним, учетчик не рискнул. Подавленный, изнуренный метелью и бессонной ночью, он не хотел показываться городским незнакомцам. Надо было выбираться из их логова.

Он побрел по своим следам обратно. Так вернее всего, хотя, наверно, и не кратчайшим путем, он мог вернуться в лес. Однако в пяти шагах от здания следы замело. Вокруг с заунывным воем неслась мутная пелена. Рванувшись наобум, задыхаясь от волнения, он все же вышел к ближним деревьям. Теперь он избегал открытых мест и пошел не вдоль леса, а ринулся между стволов, чтобы укрыться в чаще. Но совершенно неожиданно налетел грудью на низкий штакетник, ограждающий двор частного дома. Рядом смутно просматривался еще дом. В нем растапливали печь, дым с трудом переваливался через край холодной трубы и уносился ветром.

Так вот оно что! Учетчик стоял у домов частного сектора, глубоко внутри городской черты. И, конечно, эта одноэтажная застройка могла граничить с улицей Космонавтов. Полу-

чается, за метелью он и не заметил, как вышел из леса в город. Он уже давно двигался между рядами деревьев вдоль улиц. Эти-то посадки, ограждающие дворы от дороги, а также старые сады между просторно стоящими домами он машинально принимал за лес, не различая самих домов и заборов в предутреннем мраке. Город уже давно окружил его со всех сторон! В эту секунду учетчик дорого бы дал за то, чтобы каким-нибудь чудом перенестись в сугроб, где в полной безопасности от города мирно спал Рыморь. Теперь учетчик мог только мечтать о таком убежище, вчера казавшемся могилой. Но что проку от запоздалых сожалений! Разве была на них лишняя минута! Метель могла утихнуть внезапно, как разыгралась. Задержанные в домах непогодой служащие хлынут на улицы, спеша на работу, и он окажется тут, как на ладони. Жалкая, нелепая фигура, одним своим видом оскорбляющая привычный порядок. Учетчик понимал всю опасность создавшегося положения и все же не трогался с места. Он не запомнил дорогу в центр и не знал, в каком направлении уходить на окраину.

На дороге показалась женщина в рабочем халате поверх укутывающих ее одежд. Она тянула за собой санки. На них лежал дворничий инструмент. Виднелся широкий фанерный совок снегоуборочной лопаты. Трудно было в одиночку везти проваливающиеся в рыхлый снег санки, и шагающая следом девушка-спутница настойчиво пыталась помочь, она забегала то справа, то слева. Но так же упорно женщина отстраняла ее. Девушка все-таки изловчилась и взялась за веревку. В этот же момент дворничиха отвернулась от ветра, мотнула тугим плечом, и незваная помощница плюхнулась в сугроб. Ее это не обескуражило. Видимо, она привыкла к такому обращению, потому что красноречиво развела руками, мол, придется стерпеть, и побежала за санями, теперь подталкивая их сзади. Она больше мешала, чем помогала движению, но продолжала усердно стараться. Впопыхах девочка выскочила одной ногой из войлочного ботинка, он был явно велик, и ей пришлось возвращаться за ним, ступая тощей голой ногой в снег.

По ее виду нельзя было ошибиться. Эта голенастая пигалица в коротком пальтишке, руки торчали из рукавов, явно была временной работницей. Люди, принятые в штат постоянных городских служащих, так себя не ведут. То, что она подрабатывала и промышляла в городе, еще не делало ее такой уж важной птицей.

Учетчик выждал, пока женщина пройдет мимо, выступил из-за дерева, поймал девчонку за рукав и спросил, как выйти из города. Она вздрогнула и вытаращилась на него, но потом искра интереса зажглась в ее глазах. «Это что, новый способ знакомиться с девушками?» – спросила она, помедлив и кокетливо кутая худую грудь и шею в облезлый меховой ворот. Из какой кучи старья она вытащила свою одежку! Он повторил вопрос. И вновь она уклонилась в пустое кокетство. Она будто не слышала угрозы в его словах или, может, принимала ее за мольбу, настолько учетчик устал, так непослушно размыкались губы, сведенные холодом и долгим молчанием. Будь они за городом, он бы живо вылечил ее жеманство и добился внятного ответа, повалив в снег и придавив коленом. Но он вступил на территорию города. Дворничиха, везущая санки, хоть и не видела его затылком, в любую секунду могла обернуться. Делать нечего, с городскими жить – по-городски вить.

«Ты меня разгадала, – криво склабась, сказал учетчик. – Из всех девушек, кого встречал на сезонных работах, я бы выбрал тебя. Но давай подождем мая и более приятной встречи на лугу, на лесной поляне или у реки. А сейчас мне вправду надо выйти из города». – «Вот еще! Разве я колхозница, на сезонные работы бегать! – высокомерно сказала девица. – Где это видано, чтобы мели лес или луг? Наша дворничья работа зимой и летом только здесь, в городе». Угрюмо глядя на ее кривляние, учетчик не понимал, нарочно или неосознанно уклонялась она от ответа.

Из-за поворота вывернул залепленный снегом хлебный фургон. Переваливаясь с боку на бок, он поехал на дворничиху. Та круто взяла в сторону и опрокинула санки в канаву. Девчонка оборвала разговор и бросилась поднимать рассыпанный инструмент. Учетчик пошел помогать

в надежде, что в благодарность за помощь она ответит на вопрос по существу. Кажется, он просил о такой малости. Но неожиданно она накинулась на него, как дикая кошка. «Как выйти из города! – передразнила она учетчика, тесня его от санок. – Неужели ты думаешь, я хоть на секунду поверила, что тебя и впрямь интересует это. За твоим глупым вопросом кроется другой, серьезный интерес! Не выйти тебе надо из города, а войти – так ведь? И ты задумал стать вторым помощником дворничихи, а потом и вовсе оттеснить меня от нее. Да, ты угадал, идя за этими санками, можно продвинуться очень далеко. Но ты ошибся, посчитав меня легкой добычей. Привык в дальних колхозах обманывать сельских простушек, но здесь не на ту нарвался. Ты посмотри на себя, деревенщина!» Ее голосок срывался от злости. Проворные худые руки так и вились перед учетчиком. Не отойди он от санок, она расцарапала бы ему лицо.

Женщина не обращала внимания на их склоку, может, не слышала ее из-под пухового платка. Или же она часто наблюдала подобные сцены, и они ей наскучили. Неторопливо, тяжело сгибаясь в толстой одежде, дворничиха сама подобрала инструмент и мерно двинулась дальше. Девчонка поспешила следом. Она часто оборачивалась посмотреть, не увязался ли за ними незванный помощник, и грозила маленьким кулаком. Она и впрямь думала, что учетчик мечтал бежать вместе с ней за дворничихи санками, куда бы они ни поехали. О чем после этого с ней можно было говорить!

И что ему оставалось, кроме пути наугад? Но ни метель, ни дорога, ни, главное, город не кончались. Казалось, одноэтажное захолустье давно должно было вывести на пустыри городской окраины, но не выводило. Извилисты и нескончаемо длинны были улицы, немые и пустынные заснеженные дворы. В одном из них учетчик заметил сезонников. Они осторожно заглядывали через окошко в дом и отшатывались под стену с такой резвостью, словно опасались, что из крохотной форточки протянется рука и схватит их. Учетчик подумал, что в покосившемся домишке с подслеповатыми стеклами в облупленных рамах вряд ли может быть что-то стоящее внимания. Вероятно, сезонники развлекались, как могли, пережидая ненастье, и должны были уйти со двора, когда распогодится, возможно, в сторону городской окраины. Самое время было в преддверии тепла перебираться за город, чтобы своевременно подыскать хорошую работу на лето. Учетчик, кстати, мог в этом поспособствовать. Впрочем, он не хотел навязываться в компанию – только узнать дорогу. Однако, когда он стал салютовать из-за ограды, сезонники пошептались между собой и отвязали дремавшую в будке собаку. Может, это стало продолжением их развлечения. Собака бросилась к забору и свирепым лаем вынудила учетчика уйти.

Единственная компания, куда ему удалось влиться, толкала автобус. Он забуксовал в яме. Неистово крутящееся заднее колесо бессильно кидало из-под себя рыжую глину. Водительская дверца была распахнута, в нее высывалась напряженная фигура шофера, без шапки, со снегом в волосах. Одной рукой держа руль, он всем телом круто наклонился вбок, вывернул голову и глядел сквозь метель на буксующее колесо. Видя, что бешеным вращением оно глубже зарывается в грязь, он перестал газовать и пытался вывести машину из ямы враскачку, то заползая на ее край, то откатываясь для разгона. И так же наступала и отступала гурьба толкающих автобус помощников шофера. Кто-то призывно и нетерпеливо махнул учетчику, а может, ему почудилось. Он встал в тесную шеренгу, ему досталось самое неудобное место, за буксующим колесом, оно сразу обдало его ледяной жижей. Вряд ли своими хилыми силами, с ушибленным в лесу коленом, он мог оказать существенную помощь в этой поистине бурлацкой работе, но по чистой случайности после его подхода колесо всползло выше обычного на край лужи, помощники подналегли, мотор победно взревел, заглушая надсадные хрипы, и автобус выкатился на ровное. Толкавшие по инерции повалились вперед, но сразу бросились догонять автобус. Шофер и не подумал в благодарность за помощь приостановиться, а резко захлопнул водительскую дверцу и прибавил газ.

Наверно, он выехал из гаража в первый рейс и спешил наверстать отставание от графика. Выводя машину из ямы, шофер разгорячился и открыл для проветривания переднюю пассажирскую дверь. Он не сразу про нее вспомнил, а когда решил закрыть (сейчас-то шофер заботился, чтобы в салон не намело сугроб), старенький пневматический механизм долго набирал воздух, прежде чем с усталым шипением захлопнуться. В эти несколько секунд помощники заскакивали в салон. Некогда было думать, нужно ли ему в этот автобус, куда он едет. В общем порыве учетчик кинулся в давку. Он воспользовался борьбой двух здоровяков – они, как тяжелые рыбины, бились в дверь, ни один не уступал – и нырнул между ними.

Автобус набирал ход, прыгая на ухабах. Из опасения забуксовать шофер на скорости проскакивал невидимые под снегом ямы. Идя по салону, приходилось крепко цепляться за спинки пустых сидений, чтобы не упасть. Широкогрудый мускулистый крепыш, пробившийся в автобус первым, еще раз показал свое превосходство: играючи подтянулся к поручню под потолком и полез вдоль салона, по-обезьяньи перехватываясь руками и ногами. Остальные смотрели на него с осуждением, он мог оторвать хлипкий поручень, что вызвало бы справедливое недовольство водителя, но никто не сделал замечание шалопаю.

Измученная, но счастливая горстка сезонников скопилась в самой уютной, задней части салона, где крыша покато опускалась над высокими сиденьями, а мотор дул в ноги теплым воздухом. Они были уже не чужие люди, вместе толкали автобус, а потом еще и затиснулись в него, поэтому учетчик попытался выяснить у попутчиков маршрут движения. Но остальные пассажиры сами его толком не знали. И интерес учетчика восприняли неодобрительно: разве мало того, что они без билетов, в тепле мчат сквозь метель? Мотор оглушительно выл в самые неподходящие моменты. Собеседники беспомощно прикладывали к уху ладони или притворялись, что не слышат. От них удалось узнать, что любой маршрут проходит через центр города, а им туда и надо. Но ведь автобус поедет дальше. А куда? Будет кружить по городу или выедет за городскую черту? Ничего не оставалось, как только спросить шофера.

Учетчик приблизился к месту водителя и встал за его плечом. Это был матерый городской волк. Сильные руки уверенно держали рулевое колесо. Губы были твердо сжаты. Глаза неотрывно следили за дорогой. Она с трудом просматривалась сквозь летящие в лобовое стекло мокрые хлопья, щетки «дворников» не успевали их счищать. Шофер не хотел и не мог отвлекаться на посторонние разговоры. В данном случае лучшей вежливостью была бы краткость. Но и простота могла оказаться хуже воровства. Опробетчиво было спрашивать, идет ли автобус на окраину города. Шофер мог резонно уточнить, на какую именно, ведь в городе много окраин, и каждая со своим местным названием. Ни одного названия учетчик не знал, а брякнуть, не важно, на какую окраину, было бы нелепо и подозрительно. В лучшем случае шофер оборвет разговор, а в худшем вытолкает из автобуса безбилетного пассажира, не знающего, что ему надо, и отвлекающего водителя разговорами. Поэтому учетчик подался вперед и внятно проговорил шоферу в самое ухо: «Какая остановка конечная?» – «Завод», – хмуро обронил автобусник, не отрывая взгляд от дороги. Для того его кабину и отделяло от пассажиров завешенное шторкой стекло, чтобы ему не дышали в затылок. Рассчитывал он или нет одним словом оборвать беседу, но у него получилось. Учетчик задумался.

Завод! Речь могла идти только об одном большом предприятии, за чьей проходной и расстроился этот городишко. Прежде он был умирающим шахтерским поселком над тощими пластами низкосортного бурого угля. После закрытия шахт построили приборостроительный завод. Большинство трудящихся на заводе были постоянные городские служащие, многие сидели по кабинетам и даже в цеха выходили в белых халатах, но среди чернорабочих-сезонников репутация завода была скверной. Все, кто туда устроился, сгинули и больше не появлялись на раздолье загородных работ. Поэтому рассказов очевидцев учетчик не знал, но и сведения из вторых рук, а долгими звездными ночами у костра он слышал многое, наводили жуть. Говорили о закрытых железными стенами обширных пространствах, где днем и ночью царит полумрак и

гуляет эхо промышленных шумов. Говорили о каморках без окон, загроможденных чертежами, приборами, комплектующими деталями и прочим хламом. Даже в главном цехе воздух был прогорклым от эмульсий и масел, под высоким потолком, закрывающим вольное небо, висела копоть. Шум станков, шипение сжатого воздуха и протяжное пение лебедек полностью заглушали звуки внешнего мира. Словом, это была жизнь в ангаре, где нельзя понять, какое снаружи время дня и года. Учетчик припомнил поразившую его даже по рассказам картину громадных раздвижных ворот прямо в стене главного корпуса (они легко запускали внутрь тяжелый грузовик или железнодорожный вагон, а потом так же плавно и намертво затворялись). Если это правда, шофер мог сделать конечную остановку внутри завода, особенно сегодня, чтобы не высаживать пассажиров из теплого салона в метель. Учетчик представил, как растворяется железная стена и автобус вкатывается в чрево завода.

Нет, такое его никак не устраивало! Ему надо было вновь вступить в беседу с водителем, чтобы уточнить важные обстоятельства. Но мешали попутчики. Если двумя минутами раньше, когда он пытался заговорить с ними, они притворялись глухими, то сейчас вытягивали шеи из-за его спины и откровенно подслушивали. Учетчик решал, терпеть ли ему их присутствие. А что он мог с ними поделать! И времени уже не оставалось ни на что.

Автобус тормозил и криво, с небольшим заносом, катился к остановке. У обочины было черно от ждущих опаздывающий рейс служащих. Конечно, все они хотели спрятаться в салон от холода и ветра. Такой же плотной тугой массой, как стояли, они перетекли к дверям автобуса и на секунду замерли. Послышалось знакомое шипение воздуха в механизме открывания двери. Учетчик ринулся к выходу из автобуса, чувствуя, что потом может быть поздно. Встречные потоки пассажиров из передней и задней дверей затиснут его в середину, откуда он протолкнется наружу не раньше конечной остановки, ведь наверняка подавляющее большинство служащих едет к началу рабочего дня на завод. Его опасения подтвердились: солидные пассажиры с деньгами, у них было чем оплатить проезд, и не подумали ждать, пока жалкая стайка безбилетников, подвезенных из милости, покинет автобус. Едва двери открылись, служащие хлынули внутрь. К счастью, попутчикам тоже надо было выходить. Полные решимости, они надавили на учетчика. Его ударило головой о край двери, завертело и вынесло на улицу. Толкаясь в толпе, учетчик неожиданно обнаружил себя над головами людей. Ну конечно, хилый легковес, он мог выбраться из давки лишь по пути наименьшего сопротивления, то есть вверх!

Стиснутый толпой, он несколько долгих секунд возвышался над ней. Его несло, оторвав от земли, кружа и покачивая, как на реке. Машинально упираясь ладонями в чьи-то шапки, учетчик зачарованно смотрел сверху вниз. Никогда он еще не наблюдал с такой точки зрения людей, стоящих неизмеримо выше его на общественной лестнице. Они – солидные штатные служащие, уверенные в завтрашнем дне, а он – прохожий сезонник, перекасти-поле, его появление в городе мало кто заметит, а исчезновение никого не огорчит. Конечно, он и раньше видел служащих, в деревнях и на проселочных дорогах, но не сходил с ними, а посматривал издали. Поэтому сейчас чувство было острее и упоительнее, чем верховое слежение за лесным пожаром. (Однажды во время сезонных работ потянуло гарью, Рыморь велел учетчику подняться на господствующее дерево, чтобы оценить, насколько близко огонь; дул сильный ветер, клоками гоня от горизонта красную пену верхового пожара и раскачивая мачту высокой сосны с вцепившимся в ее вершину наблюдателем; рядом рухнул от ветра ошестиненный голыми ветками сухостой, но мрачный восторг, с которым учетчик озирает распахнувшийся перед ним грозный простор, был сильнее страха.)

Теперь жадно впитывая мельчайшие детали происходящего, а он видел лица служащих до прищура глаз, до складки губ, учетчик заметил, что не все так уж горят желанием втиснуться в автобус, как показалось на первый взгляд. Сердито толкались, чтобы успеть занять сидячие места, только полные женщины в возрасте. Молодежь грелась в борьбе. Некоторые напирала для куража и откровенно ухмылялись. В самом деле, разве это последний автобус, если день

только начинается! Словом, гордые, суровые и неприступные в массе служащие поодиночке казались довольно занятыми типами.

Учетчик засмотрелся на лица и забыл, что находится в подвешенном состоянии. Когда его вынесло из самой гущи и тиски чуть разжались, он сверзился под ноги толпе. Тяжелый заплечный мешок опрокинул его, и учетчик барахтался, как упавший на спину жук. Он выбрался из толпы и проводил взглядом отъезжающий автобус. По меньшей мере один из попутчиков так и не сумел выйти, встречный поток пассажиров унес его в салон, в заснеженном окне мимо учетчика проплыло бледное лицо с приплюснутым к стеклу носом и широко распахнутыми глазами, в них стоял ужас.

Учетчик зашагал от остановки совсем с другим настроением. Впервые оказавшись в городе, причем в самых неблагоприятных условиях, он оказался втянут в борьбу с ним и уже научился не уступать. Разве не испытал он себя на прочность в этой борьбе! После первого конфуза с дворничихиной девкой удачно минул злую собаку, ловко зашел в автобус и еще более ловко из него вышел. Он начал преодолевать город. И это служило верной приметой, что скоро он достигнет окраины. Пусть на борьбу с метелью израсходовано много сил, они восстановятся, а ничего безвозвратно город отнять у него не смог. Дорожный мешок на крепких лямках по-прежнему надежно висел за плечами. Сбитую с головы шапку учетчик нашел, когда толпа поредела. А разорванный рукав телогрейки, из-под мышки торчала вата, он зашьет в первую свободную минуту, как всегда привык это делать. Он еще сохранял самообладание, в то время как его попутчики, теряя элементарное достоинство и личные вещи, удирали от остановки к ближайшему зданию.

2. Свидетель спора

Оказывается, пока он ехал в автобусе, как ни коротко было путешествие, метель поутихла. Еще дул ветер и срывался снег, но уже заметно развиднело вдаль и ввысь. Рядом с остановкой стояла пятиэтажка со знакомым адресом «Космонавтов, 5». Получается, он вернулся в центр города. Сначала пришел по тихим улочкам, а теперь заехал в то же место по шоссе с противоположного торца шестиподъездного здания. Учетчик видел его длинный двор. За час, пока он отсутствовал, все пришло в движение. Двери подъездов на тугих певучих пружинах распахивались, выпуская спешащих по делам служащих.

Те же хмурые незнакомцы, от встречи с ними учетчик уклонился на рассвете, обступали здание, не входя и не отходя. Только теперь они не жались под бетонные козырьки подъездов, а освободили проходы, ушли с крылец и вытянулись тонкими длинными вереницами под стеной здания. Они стояли в каждый из шести подъездов. В ближней очереди, она поворачивала за угол дома и продолжалась, очевидно, вдоль задней стены, внимание учетчика привлек поджарый старик в очках, медленно ступавший вдоль строя с бумагами в руках. Он что-то коротко спрашивал каждого стояльца, получал ответ и делал в бумагах пометку. Изредка он заводил разговор сразу с двумя очередниками, что-то выяснял, глядя в стену между ними, словно за ней прятался кто-то третий, недостающий. После выяснения старик проводил в списке длинную хищную черту, раздвигал очередь, наклонился к отдушине в цоколе здания и кричал в подвальную черноту. Неясно что, неясно кому. Одно было несомненно: что-то тут сверяли и подсчитывали. И поскольку процедура, пусть весьма отдаленно, напомнила учетчику его загородную работу, он заинтересовался и подошел ближе. Однако посторонних тут не жаловали. Старик умолк. Он обеими руками прижал к груди бумаги и не мигая глядел на учетчика сквозь крохотные стекла очков, а очередь отделилась от стены и злобно выгнулась в сторону чужака. Учетчик поспешил отойти. Что позволено городскому служащему, то не позволено пришельцу. Служащие при желании проходили сквозь очередь, как нож сквозь масло, перед ними молча, покорно расступались. Они воспринимали это как должное.

Для них чистили во дворе дорожки, не дожидаясь конца метели. Уже знакомая учетчику дворничиха лопатой швыряла снег с тротуара на газон, часто на безответных очередников. Помощница как привязанная сновала за ее спиной. Лопаты для нее в дворничьих санках не нашлось, и девчонка увлеченно размахивала тощей метлой. Проку от ее стараний подмести снегопад, конечно, не было, она только мешалась, служащие сворачивали с тротуара в снег и обходили ее, чтобы не стегала по ногам. Лучше б она помогла водителям служебных машин освободить от снега стоянку. Судя по малому числу машин во дворе, персоны на них ездили важные, и водители их наверняка были люди нужные. Но никто не искал их покровительства, они были предоставлены сами себе и чистили машины от снега домашними совками. В них удобно заметать канцелярский сор в кабинетах, а не сыплющиеся из туч хлопья.

Чтобы не мешать на узком тротуаре движению стремительных пешеходов, учетчик прислонился к телефонной будке перед зданием и созерцал картину оживленного городского утра. Конечно, ему, лесополевому учетчику, были дики людская сутолока и бессмысленная, по-видимому, скученность зданий. То ли дело загородное приволье! Луг, ограниченный вдали каймой леса или плавно поднимающимся к горизонту холмом. Чаша лесного озера с темной водой под тающим льдом. Ветерок, накидывающий тонкие запахи. Редкие звуки в прозрачной тишине. Конечно, его место там. И если сейчас учетчик немного медлил с уходом из города, то лишь потому, что прояснение погоды с каждой минутой открывало новые возможности. По торцевой стене здания вела вверх железная пожарная лестница. Довольно подняться на крышу, когда снежная муть уляжется, чтобы увидеть, в какой стороне ближний край города. Вряд ли город так велик, как его малюют в загородных сказках о нем.

Но пока учетчик внимательно смотрел вокруг. Раз уж он в первый и последний раз воочию видел недра города (наведываться сюда опять будет некогда, незачем, не к кому), надо было пользоваться случаем и запечатлеть в памяти каждую мелочь этой чуждой, ни на что не похожей обстановки. Когда учетчик вернется в свою бригаду, на привычные сезонные работы, и поделится новыми впечатлениями, это поднимет его авторитет в глазах Рыморя, человека бывалого, но в городе не бывавшего. А тут было на что посмотреть. Одни очерёдные нравы чего стоили!

У второго подъезда здания, где очереди не хватило места под стеной и она вилась по газону, разгорелся спор. Сначала это было заметно по гневным позам и жестам; драть горло очередники не решались. После долгих напрасных препирательств несколько спорщиков вдруг придавили одного к земле, силясь что-то отнять. Он не отдавал, свернулся клубком и отчаянно лягался. Но силы были неравны. И тогда прижатый к земле в бешеном порыве выпростал руку и истошно крикнул: «Свидетель! Свидетель!» На миг нападавшие ослабили хватку, бедолага вывернулся и побежал вдоль здания. В его тяжелом топоте слышалась обреченность. Кого он звал в свидетели? На что надеялся? Никто из служащих не обернулся на крик. Только в одном окне показалось острое лицо женщины, она по-птичьей повертела головой в тугом вороте служебного кителя и задернула штору. Очереди в ответ на вопли одного из своих сомкнулись плотнее. Может, он просил вмешаться в спор знакомого шофера? С крохотной стоянки как раз выезжала, чихая холодным двигателем и свирепо газуя, машина. Беглец кинулся наперерез, пробежал перед самым бампером, пуговица на развевающихся полах его пальто звонко щелкнула по железу. Он вывернулся из-под колес, схватил учетчика за плечо и, счастливо задышавшись, сказал: «Ты свидетель!»

«Спятил ты или обознался?» – процедил учетчик, пытаясь оторвать от себя его пальцы. Но незнакомец держал его хваткой, не соответствующей просительному тону слов. «Ты свидетель, – повторил он, – что на пути сюда произошла непредвиденная и, что самое важное, не по моей вине задержка. Автобус забуксовал в яме – мы же вместе его вытаскивали, помнишь? Не можешь ты не помнить!» Только теперь учетчик признал в нелепой фигуре с глупо приоткрытым ртом и сумасшедшими глазами одного из своих попутчиков, ладного крепыша. Он первым нагнал автобус, лихо прыгнул в дверь и по-обезьяньи пробирался по салону, руками и ногами обхватив поручень под потолком, крепко держа на широких плечах стриженную под полубокс голову. В автобусе его взгляд показался учетчику открытым и светлым. Сейчас, лицом к лицу, он заметил, что глаза попутчика неприятно косят. Что могло его так разительно изменить? Если темный и чуждый учетчику спор в очереди, то не опрометчиво ли ввязываться в него в качестве свидетеля? Он не знал ни дела, ни возможных последствий своего участия в нем. Учетчика это не устраивало. «Не помню. И перестань называть меня свидетелем», – неприятно сказал он. Крепыш совсем сник, даже ростом стал ниже. «Но почему? – растерянно зашептал он. – Ведь это правда, которая для меня значит слишком много. А тебе ее подтвердить ничего не стоит».

Некоторое время они молчали. Один хмуро прятал глаза, другой неотступно ловил его взгляд. Что было делать? Пытаться силой освободиться от настырного, вступить в схватку здесь, на виду у всех? Но учетчик сутки провел без сна и отдыха, а ушибленное в лесу колено вовсе не оставляло шанса выстоять в поединке с дюжим просителем, чьи силы удвоены отчаянием. Униженные просьбы могли вмиг обернуться вспышкой ярости. «Допустим, я что-то видел и даже что-то вспомню, – неохотно согласился учетчик. – Но почему я должен тебе верить, что мне за это ничего не будет, и совать голову в мешок ваших склок? Ты говоришь, что я тебе важен, а сам даже не объяснил, из-за чего спор». – «Чего же тут объяснять? – искренне удивился проситель. – Меня хотят выбросить из очереди на том основании, что я будто бы опоздал на переключку. Я же пытаюсь доказать, что это несправедливо, поскольку задержался по уважительной причине, и ты это видел. Все ясно как день!» – «Ты не учиываешь, что я

впервые в городе, – возразил учетчик, – и мне ничего не ясно. Я даже не знаю, что дают в вашей очереди».

Однако этот простой, законный интерес неожиданно вызвал затруднение. Собеседник погрузился в задумчивость, потом тревожно зыркнул по сторонам. Окружающие их не замечали либо старались не замечать. Никто не подслушивал, не приближался к ним. Только от очереди, где возник спор, отделилась группа и медленно подвигалась в их сторону. Она была еще далеко, но крепыш на всякий случай опять зашептал: «Теперь мне совершенно ясно, что нам друг без друга никуда. Не только ты мне нужен как свидетель, но и я тебе пригожусь. Чтобы уберечь от очень больших неприятностей. Ты и впрямь чудовищно наивен, раз говоришь вслух такие вещи – “что дают в очереди!” Мой тебе дружеский совет: не задавай никому и никогда этого вопроса. Потому что он оскорбляет очередь. А такого и самым зеленым новичкам не прощают. Уж не знаю, какие порядки заведены в тех краях, откуда ты пришел, а в наших очередях дают – слово-то какое! – каждому свое. Стоят все за одним и тем же, за трудоустраиваемым, и каждый, естественно, надеется получить хорошее место. Только очередники предполагают, а кадровики располагают. От нас зависит не все, а вернее сказать, ничего не зависит. С того момента, как соискатель переступает порог отдела кадров, начинается полная неопределенность. Во всяком случае, никто еще не вернулся оттуда обратно в очередь и не рассказал, что и за какие заслуги ему там «дали», а в чем и почему отказали. Кого-то, наверно, держат в приемных до уточнения обстоятельств, нам неизвестных. Кого-то видели бегущим из города – можно предположить, что направили в другой город, где есть подходящая соискателю вакансия, но точно мы опять-таки ничего не знаем. А те счастливицы, которых взяли в штат, пусть на самые скромные должности, знать не хотят старых товарищей по очереди. Сами же мы не смеем о себе напомнить из боязни нажить неприятности, ведь принятые в штат – люди очень важные. Ни у кого из нас не хватает духа окликнуть их, когда они по обыкновению молча проходят мимо, и спросить, как же выглядит источник непомерного самомнения всех прошедших кадровое сито. Поэтому вопрос, во что выльется его очередестояние, волнует каждого, и все пытаются угадать ответ на него, слушают, наблюдают, сопоставляют факты, размышляют бессонными ночами, но никто не задает его вслух, не ставит бестактно в лоб. Да и смысла в такой форме он не имеет».

«Ладно, оставим это, – согласился учетчик, – я в городе прохождением и меньше всего хочу толкаться очередях, отнимать у вас работу, когда ее за городом непочатый край. Но объясни мне: почему ты не зовешь в свидетели своих дружков-попутчиков? В автобусе вы сидели такой теплой компанией, так дружно притворялись, что за ревом мотора не слышите моих вопросов, но при этом без помех общались между собой. И вдруг, когда тебе понадобился свидетель, ты обращаешься ко мне, хотя я совершенно постороннее лицо, и тебе приходится растолковывать мне, что к чему, да еще оберегать от крупных неприятностей, которые я по неопытности рискую на себя навлечь. Другие попутчики, твои приятели, тоже могут подтвердить, что ты задержался по уважительной причине. Почему они не спешат тебе на выручку, если соглашающийся дать свидетельские показания не подвергается, как ты уверяешь, никакому риску? Где сейчас эти пассажиры?»

Собеседник безнадежно махнул рукой: «Попрятались в своих очередях и носа не кажут. Ничем их не выманишь до конца переключки, каждый дрожит за свое место. И не друзья они мне, а так, минутные знакомые». Учетчик недоверчиво покачал головой: «Непонятно, как твои попутчики имеют возможность прятаться в своих очередях. Почему их не гонят? Все ехали в одном автобусе, вышли из него вместе, значит, и на переключку опоздали все». – «Если бы так, мое положение было бы легче, – удрученно вздохнул очередник. – Мы вместе могли бы отстаивать справедливость и защищаться от уличной кодлы, готовой по малейшему поводу выкидывать людей из очереди. Но в том и беда, что опоздал, по всей видимости, я один. Переключки в очередях двигаются всегда от головы к хвосту. Чем дальше в очереди, тем позже накроет

перекличка. Наши автобусные попутчики из последних, раз успели вбежать в свои очереди до прохода сверщика. А мой номер в верху списка, я уже недалеко от двери в подъезд учреждения, и меня выкликают в числе первых. Мое место ценно, но тем и опасно: целая орава следомстоящих заинтересована в том, чтобы выжать меня из очереди, ведь в случае моего устранения все они делают шаг к цели. Поэтому, когда сверщик называл мой номер, я в тот же миг выкрикивал свое имя: «Лихвин!» Так повторялось каждое утро, до сего дня. Сегодня из-за шальной метели, спутавшей день с ночью, из-за шофера, попавшего колесом в яму, вышла осечка, я не рассчитал время и опоздал на перекличку. Пусть на какие-то секунды, но это сочли достаточным, чтобы вышвырнуть меня с обжитого места. Положение скверное! А запас теплых вещей и продуктов, накопленный мной за время стояния, лишь усугубляет дело. Теперь в случае моего исключения ближайшие соседи по очереди – видел бы ты их голодные, жадные морды! – получат право разделить мои пожитки». – «Но это же дикость!» – возмутился учетчик. «Таковы правила. Не нами они заведены – не нам менять. Да и зачем мне пожитки, если меня выставят из движения очереди, то есть из самой жизни! Словом, законы святы, пока соседи не лихие супостаты. А мне достались именно такие. Сразу за мной стоит прожорливый, вечно голодный лоботряс. С ним я ничем не делился, сколько бы он ни облизывался, ни дышал завистливо мне в затылок. Я же обычный очередник, а не городской блаженный, чтобы сажать на шею здорового детину, он сам в силах одеться и прокормиться. А там, откуда ты пришел, разве не так?»

Учетчик сочувственно кивнул, знакомая история, и Лихвин горячо продолжил: «Но этот сосед – ягненок в сравнении с впередистоящей соседкой. На вид интеллигентная старушка. А сегодня показала свое истинное лицо. Никогда я так жестоко не ошибался в людях и, видимо, уже не ошибусь. Все долгое время стояния в очереди я грел на груди змею. Даже подарил ей меховую муфту. Когда старушка вдела в нее синие от холода кулачки, она глаза закатила от блаженства. Разумеется, я не ждал от нее уплаты долга вещами и продуктами, но на элементарную порядочность рассчитывать мог, особенно сегодня, когда мчался из автобуса на перекличку, расшвыривая не успевших посторониться. Я издали увидел, что сверщик подошел к моему месту в очереди, что он начал расспрашивать соседей, выясняя, как положено, обстоятельства моей отлучки, прежде чем вычеркнуть меня из списка, и что старушка – о счастье! – смотрит в мою сторону. «Капиша, я тут!» – завопил я, вскидывая руку. Но что это был за крик, что за взмах! – вздохнул Лихвин, прикрывая глаза и заново переживая случившееся. – Ведь я бежал изо всех сил, нервы на пределе, дыхание сбилось, голос меня не слушался. И все же Капиша меня углядела. Это я понял по тому, как быстро она схватила сверщика за локоть и что-то проговорила ему в ухо. Я, простофиля, думал, что спасен, что она торопится сообщить сверщику, что вот он я, тут, а она готовила мне капут. Как я теперь догадываюсь, Капиша обещала сверщику часть моих вещей, из тех, что отойдут ей по праву соседства, если он зафиксирует мое опоздание на перекличку и меня исключат из очереди. Про нашего сверщика недаром говорят: Егош не упустит грош. Конечно, он согласился обернуть дело к своей выгоде. Он и голову не повернул в мою сторону, вымарал в списке мой номер и крикнул секретарю в подвал, что меня больше нет. А секретарь зафиксировал убавление очереди на одного стояльца. Но на секретаря обиды я не держу. Секретарям нет и не должно быть дела до бушующих на перекличках страстей. Секретари всех очередей потому и сидят в подвале, что там, внутри, они надежно защищены от давления снаружи. Через отдушины в цоколе здания они слушают только сверщиков, которых знают по голосам. Поэтому всему виной Егош, крикнувший о моем опоздании на перекличку за секунду до того, как я схватил его за ворот, развернул к себе и потребовал отменить несправедливое решение. Тогда-то и завязался спор. Неравная борьба, ведь на меня ополчился не только хвост очереди, но и впередистоящая Капиша. Причем старуха – вопреки неписаным законам очереди: у передних не принято лезть в распри следомстоящих, это ниже их достоинства, а главное, любой исход борьбы за их спиной никак не влияет на их движение

в очереди. Почему-то соседка позарилась на мое имущество. Очень близорукая меркантильность. Капиша вот-вот достигнет подъездной двери и войдет внутрь, а там, в неотлучной живой очереди, жарко если не от тесноты, то от волнений, оттуда, наоборот, выбрасывают одежду на улицу через окна подъезда. Зачем ей там лишний гардероб, тем паче мужской? Ума не приложу! Не знаю, чем кончится для меня эта заваруха, сумею ли устоять в очереди, но одно я уяснил твердо: насколько опасным недомыслием обернулась моя запасливость, она только разжигала аппетиты соседей. Пропади пропадом эта еда и эта одежда! Копил жратву – потерял братву. Если ты дашь свидетельские показания, сможешь отстоять справедливость и место в очереди, я с тобой поделюсь: дам консервов и валенки на резиновом ходу. Не отказывайся! Я же вижу: ты полупрозрачный от голода и холода. Через глаза небо светится. И не думай, пожалуйста, со свойственной тебе, как я уже заметил, излишней щепетильностью, что ты меня обираешь. Я отдам тебе только часть, тогда как ты мне помогаешь сохранить целое». – «Все же неясно, почему стоянию в очереди придается такое значение, – задумчиво сказал учетчик; услышанное произвело на него тягостное впечатление. – Почему даже случайный свидетель за пустячные дорожные наблюдения, если только они касаются очереди, может рассчитывать на солидное вознаграждение? Чем вызвана такая борьба за каждое местечко в очереди, особенно странная теперь, весной, когда за городом работы хоть отбавляй и с каждым новым днем будут требоваться новые рабочие руки. А здесь, судя по твоим словам, даже у выстоявших громадную очередь нет гарантии трудоустройства».

Так они говорили, ответы обнажали новые вопросы. Как ни противился учетчик, а может, именно благодаря этому сопротивлению, ведь за шипы возражений при известной ловкости удобно цепляться, Лихвину удалось-таки затянуть его в обсуждение своих дел. Незаметно беседа поглотила их полностью, они далеко ушли от ее истока, но раздавшийся вблизи высокий пронзительный голос вернул их к яви: «Это ты, что ли, свидетель?»

Учетчик раздраженно обернулся. Отряд из очереди Лихвина окружил их и, судя по ухмылкам, забавлялся беседой. Прямо за спиной учетчика стоял вожак, низкорослый горбатый человечек с длинным крючковатым носом. Он глядел исподлобья, пряча подбородок в растянутый ворот огромного свитера. Шерсть крупной вязки светилась от старости, рукава свисали до колен. Свитер плохо грел, горбун зяб, однако носил свои лохмотья со странным, вызывающим шиком. Видя, что учетчик медлит с ответом, он прибавил: «А шепчетесь вы о том, как одинаково врать. Ты хоть знаешь, что бывает за дачу ложных показаний?» Властно звучал его тонкий голосок. Воинственно хлопывал он по ноге скатанным в трубку списком очереди. Горбун и был сверщик очереди, спорившей с Лихвиным.

В последних словах уродца прозвучала угроза, и его дружки чутко подхватили ее. Раздались злобные смешки. Кольцо вокруг Лихвина и учетчика сомкнулось плотнее. А один из противников, еще совсем зеленый подросток (неужели и он рассчитывал в борьбе с огромным числом взрослых претендентов получить работу!), ногтем большого пальца чиркнул себя по горлу, демонстрируя самые решительные намерения.

Еще менее было понятно, за счет чего надеялась выиграть борьбу за вакансии у молодых и сильных членов очереди немощная старушка. Ее личико посинело от холода. Поля ветхой шляпки уныло поникли над жидкими седыми локонами. Сложенные на груди руки женщина прятала в облезлую заячью муфту, подаренную Лихвиным. Кроме муфточки и тонкого пальтеца, ее костюм не соответствовал погоде. Растоптанные летние туфли старушка надела на шерстяной носок, точно вышла на минуту из дома, да так и осталась стоять в очереди. Она промочила ноги в снегу и зябко переступала на месте. «Пусть Лихвин отойдет в сторону, – тихо, но отчетливо прошамкала старушка, – иначе это будут показания под давлением». Лихвин медленно подчинился. Его руки, недавно с такой силой державшие учетчика, повисли плетьюми. По лицу тек пот.

К тому месту, где в центре растущего столпотворения одиноко стоял учетчик, стекались зеваки из очередей в другие подъезды здания. Они уже прошли переключку и с черствым любопытством посторонних наблюдали за чужой распрей. Чтобы разрядить обстановку, учетчик как можно спокойнее проговорил: «Я только сегодня попал в город, многое вижу впервые, никогда не стоял в очереди и, разумеется, не знаю, что бывает за дачу ложных показаний. Но мне этого и не нужно знать, потому что долго я у вас не задержусь, а главное, не собираюсь давать ложных показаний. К чему бы это мне, случайному прохожему? Но даны они будут в любом случае под давлением: вы обступили меня таким плотным кольцом, что молча из него мне не выйти, так ведь?» – «Нет, ты вправе отказаться давать показания, – своим пронзительным голосом возразил горбун, – это дело добровольное».

Вот как! С очередью приходилось держать ухо востро: то она вцеплялась мертвой хваткой, то давала свободу выбора. Впрочем, молчание учетчика тоже решало спор в пользу одной из сторон: отказ от дачи показаний сыграет против Лихвина. Учетчик пристально вглядывался в этих странных обитателей города. Независимо от роста и возраста их лица выражали жадное, почти подбострастное внимание. Крепкий мосластый старикан повернул в профиль бритую голову и обратил к учетчику ухо с торчащим из него жестким седым волосом. Крупный нос, мощные надбровные дуги и покрытая грязным пухом жилистая шея, она далеко высывалась из воротника затасканной кофты, делали старика похожим на сипа. Никто не двигался в общем молчании. Глубоко в недрах огромной толпы мелькнуло жалостливое лицо. Женщина едва заметно покачала головой, но тут же опустила глаза, и непонятно было, что выразило ее лицо. Предостерегала она учетчика или уже оплакивала свидетеля и страшилась одной мысли очутиться на его месте?

Учетчик решил говорить. Никогда еще он не выступал перед таким большим собранием. Он потер холодным кулаком озябшие губы, откашлялся и заговорил: «Насколько я понимаю, мне предлагают засвидетельствовать, случилась ли в действительности непредвиденная задержка автобуса, повлекшая опоздание одного из стоящих в одной из очередей на ежедневную переключку. Это свидетельство представляется настолько важным, что, с одной стороны, меня умоляли подтвердить задержку, а с другой стороны, пугали суровой ответственностью за дачу ложных показаний. Меня призывают к честности и нелицеприятию, но, если следовать этому принципу изначально, то придется оспорить сам предмет спора. Уж не знаю, по какой причине он кажется вам существенным. По-моему, если посмотреть на дело свежим взглядом, а я, как человек пришлый, не могу иначе, обе стороны раздувают из мухи слона. Подумайте спокойно, из-за чего тут бьются лбы. Вот ты, Лихвин! Ну выгнали тебя из очереди – займи ее по новой, перейди в другую или уйди из всех очередей. А еще проще и разумнее будет, если очередь, поскольку она, наверно, мудрее и сильнее любого из своих членов, закроет глаза на небольшое опоздание Лихвина, великодушно расступится и пустит его на прежнее место. Не так уж важна причина опоздания. Все же видят, как он раскаивается. Так что, с какой стороны ни взгляни, ваш спор не стоит выеденного яйца. Единственное, что представляется мне серьезной несправедливостью, – это покушение очереди на имущество Лихвина. Если уж закон очереди так суров и карает малейшее опоздание на переключку, выставьте нарушителя из очереди вместе с пожитками – вот это будет не шкурная принципиальность! Почему он должен терять, кроме места, имущество, которое нажил своим трудом, а не выстоял в очереди, не получил от нее в дар? И не надо кривиться от моих слов. Сами позвали меня в свидетели – так имейте мужество выслушать нелицеприятное мнение!»

Однако трудно было удержать внимание огромной толпы. Мертвая тишина, установившаяся при первых словах учетчика, сменилась гомоном. Учетчик вынужден был возвысить голос: «Я знаю, о чем говорю! Каждый сезон только через мою загородную бригаду проходят десятки таких Лихвиных. Работая учетчиком, я должен по справедливости разделить между ними плоды общего труда. Я кропотливо считаю каждую минутку рабочего времени, вижу,

каким трудом дается пропитание, его за весну и лето приходится зарабатывать на весь год, – неужели для того, чтобы вы в городе учинили грабительский передел, обесмыслив усилия и работника, и учетчика? Да, я понимаю, многие из вас проголодались и замерзли, я тоже. Но правда и то, что вы зашорились, перестояли в затылок друг другу, раз не видите другого способа добыть пищу и одежду, кроме как отнять у своего же брата-очередника. Очнитесь, поднимите головы! Ветер разгоняет облака последней метели, и почки на деревьях не уснут до следующей зимы. Хватит топтаться под городскими окнами и греться от фонарного света. Самое время за ручьями талой воды идти за город, и там, на просторе сезонных работ, вдохнуть полной грудью вольный воздух, разогнать застоявшуюся кровь и заработать несравнимо больше, чем вы можете отнять у Лихвина. Главное, не мешкать: после паводка самые выгодные работы будут разобраны, лучшие места заняты. А сейчас к делу пристроятся все: старики, женщины, дети».

Обращаясь к собравшимся, учетчик медленно ходил по кругу, ища сочувственного внимания, хоть одного живого отклика. Но отовсюду на него смотрели тускло, с прищуром и холодным недоумением. Горбун играл рукавами свитера, низко опустив лицо под густыми сросшимися бровями. Лихвин отводил взгляд и, кажется, конфузился. Стоявшие поодаль роняли скудные реплики. Учетчик не разбирал слов. Одна старая Капиша, видимо, для того чтобы погреться в споре, ее лицо было землистым от холода, прямо обратилась к учетчику: «Я понимаю, что очередь вызывает бурю эмоций в душе любого новичка. Любви с первого взгляда тут не бывает. Зато страха и ненависти сколько угодно. Только очереди эти скороспелые суждения никогда не вредили – главное, чтобы они не навредили тебе. Но в своих эмоциях ты разберешься позже, наедине с собой или в узком кругу. Если кто-то согласится повторно слушать эту ересь. А сейчас тебе пора дать показания по существу. Довольно ты уже отнял у нас времени и злоупотребил вниманием столь представительного собрания». – «Эх, как же вы не поймете! – воскликнул учетчик, радуясь собеседнице и хватаясь за ее слова. – Вот, к примеру, вы лично в очереди кто? Одинокая немощная старуха, простите за прямоту. А за городом можете стать всеми уважаемой стряпухой. Здесь, если у вас нет сбережений, вы так и останетесь бедняжкой, довольствующейся жалкими подачками вроде заячьей муфточки, она больше насмешка над вашим возрастом, чем защита от холода. А в загородной бригаде вам выдадут робу и теплую обувь, остальное добудете сами: немисливо, чтобы стряпуха, хранительница бригадного очага, чье место у костра и котла, мерзла или голодала. Даже если вы не очень умелая повариха, нужда быстро выучит. Да и совестно вам будет долго обманывать ожидания усталых работников с волчьим аппетитом. Рано или поздно вы станете в бригаде одной из ключевых фигур. Десятки сильных веселых сезонников будут лелеять вашу старость и приговаривать: щи да каша – Капиша наша. Ваше положение в коллективе, отношение к вам будут полностью зависеть от вас самой. А что зависит от вас в этой очереди? Если уж лицам трудоспособного возраста, как мне тут объяснили, зачастую не удастся получить работу, то с вашим грузом лет за плечами какие шансы пробиться в штат городских служащих? Никаких. Вы, может быть, уповаете на жалость кадровиков? Но это смешно: не станут они снисходить к вашим немощам, ведь их обвинят в некомпетентности, с них снимут стружку, если в первый же рабочий день вы уйдете на больничный. Впрочем, я уверен, хворь свалит вас еще в очереди, до того как вы попадете на прием в отдел кадров». – «Ну хватит, сыта я по горло!» – злобно прошипела Капиша, ее водянистые глазки сверкали. Она решительно повернулась к сверщику, тот продолжал играть рукавами свитера, словно происходящее его не касалось, и официальным тоном заявила: «Я требую отвода этого свидетеля: нет ему доверия! Он лжец, это ясно из того, что он тут про меня наплел. Меня все знают. Я давно стою в очереди – и ни разу не просила поблажки, терплю наравне с другими. Может, я выгляжу старше своих лет, долготерпение старит, но оно же внушило очереди уважение ко мне, до сих пор никто не делал намеков на мой возраст. Там, наверху, в отделе кадров, я отвечаю на все вопросы. А тут, в очереди, возраст

– личное дело каждого. Или было личным делом – пока в город не заявился этот грубиян. Он уверен, что с одного взгляда определил мои года – но это бездоказательно, и позволил себе попрекать меня придуманной старостью – а такое по отношению к даме бестактно. Он еще решил дать оценку моему здоровью! Каким бы оно ни было, мне хватает. Кто из здесь стоящих посмеет сказать, что я жаловалась на болезни? Пусть выйдет сюда – я плюну ему в глаза! Наконец, тут было заявлено, что я бедствую и довольствуюсь подачками. В пример приведена вот эта муфта. Возмутительная клевета! Поскольку сам этот болтун недавно в городе и не мог видеть, как я “побираюсь”, совершенно ясно, с чьего голоса он поет. Лихвин нашептал! А я могу найти дюжину очевидцев того, как мой соседка меня обихаживал, уговаривал принять в дар изъеденного молью зайца, убитого сто лет назад, а теперь выброшенного молодой служащей вместе с бабушкиным сундуком при переезде из деревни в город. И то, я подозреваю, Лихвин так расщедрился потому, что его ручищи не помещались в дамскую муфту. Так вот, я возвращаю этот, с позволения сказать, подарок и требую оградить меня от клеветы!» С этими словами Капиша, она разругавшись от гнева, порывистым юным движением швырнула муфту в лицо Лихвину.

И только теперь, когда скандал разразился, горбун-сверщик поднял голову и посмотрел учетчику в лицо. Его губы морщила гадкая ухмылка. Не прятал ли он разбиравший его смех все время, пока с мрачным упорством глядел в землю? А вот Лихвину было не до смеха. Сначала он озадаченно слушал учетчика, потом в еще большем недоумении свою соседку, и лишь после брошенного в лицо оскорбления опомнился и заметался, взывая то к сверщику, то к очереди, то, кажется, к пасмурному небу, с такой силой он вскидывал руки. «Вот до чего доводит ужасающая наивность в соединении с необузданной фантазией и стремлением произвести эффект! – восклицал Лихвин, перекрикивая гул негодования. – Мало того, что он от себя наговорил несусветных глупостей, так еще полностью извратил сказанное мной. Мыслимо ли, чтобы я назвал такую грозную и важную персону, как впередистоящая соседка по очереди, попрошайкой, а мое скромное подношение ей – подачкой! Разве я сказал хоть слово против права очереди разделить мое имущество, если я вправду опоздал на переключку! Я всего лишь просил подтвердить, что опоздал не по своей вине. Я всячески предостерегал свидетеля от поверхностно-оскорбительной критики в адрес очереди. И даже вообразить не мог, что этот тип осмелится прилюдно, в центре города, вести откровенную вербовку рабсилы и выманивать стояльцев из очередей. Я его предупреждал, что его мнение никого не интересует, что его задача засвидетельствовать имевший место факт задержки автобуса – когда он забуксовал, сколько времени мы его раскачивали, прежде чем вытолкали, – и все! От сих до сих. Больше ни о чем я его не просил. Я говорил: пропади пропадом эта жратва! А он из этого сделал вывод, что должен защищать мои харчи и припасы. Так и другие мои слова он извратил и перевернул. Поэтому мою уважаемую соседку оклеветал не я, а горе-свидетель, не умеющий слушать и понимать».

Отчаянным, хоть и сумбурным, натиском оратору удалось поколебать невыгодное мнение о себе. Толпа умолкла и сочувственно слушала Лихвина. Только учетчику сделалось холодно, скучно и все равно. Напрасно он старался показать обитателям болота путь к твердой земле. Они не желали освобождения и предпочитали цепляться друг за друга, при этом одни неизбежно топили других. Учетчик и кончиками пальцев не хотел бы касаться их дрызг. Он угрюмо смотрел вверх голов.

В подъезде учреждения высоко, под крышей, было открыто лестничное окно. В темном проеме виднелась ладная фигурка девушки. Пробившееся сквозь облака солнце осветило ее веселое лицо с живыми глазами. Время от времени девушка роняла слова кому-то сбоку и позади нее. Ее собеседники едва выступали из сумрака подъезда. Удивительно, она совсем не мерзла в своем красном платье с коротким рукавчиком и смело поставила на низкий подоконник крепкую ножку в белом чулке. Она редко и неглубоко затягивалась сигаретой, выпус-

кая дым из круглых ноздрей широкого задорного носа. Счастливица наверняка видела сверху ближнюю границу города и за ней излучину реки, луговую даль или кромку леса. Только нуждалась ли она в этом? Она не казалась зависимой от огромного тусклого здания. Вид у нее был такой, точно в любую секунду она могла расправить крылья и упорхнуть. Она радовалась прекращению снегопада и восстановлению хорошей погоды. А столпотворение внизу разве что слегка ее развлекало. Да, уж если общаться с кем в городе, то с такими людьми, как она.

Разумеется, девушка не выделяла из огромной толпы учетчика. Зато он, глядя на нее, твердо решил отказаться от дачи показаний и вообще от разговоров с очередниками. Сутяги они были до мозга костей. Учетчик ждал, когда поредеет толпа, чтобы выйти и навсегда покинуть опостылевший двор. Хватит того, что он уже видел. Наверняка по возвращении за город его долго будут преследовать в кошмарах и старушка Капиша с кукольными локонами над бескровным лицом, и Лихвин, с пеной у рта нападающий на собственного свидетеля, и горбатый сверщик Егош.

Сверщика, в отличие от других, ничуть не разжалобили оправдания Лихвина. Он оборвал опоздавшего на полуслове, протянул руку и с нетерпением эскутера, утомленного мелкими проволочками перед неотвратимой карой, проговорил: «Комедия окончена. Теперь ты должен вернуть то, что тебе больше не принадлежит». Учетчик отвернулся, чтобы не видеть, как Лихвин, этот атлет, унижается перед хилым уродцем и без слов молит о пощаде. Значит, протест Капиши был удовлетворен и свидетелю дали отвод. Что ж, тем проще.

Небольшое волнение поднялось в дальних рядах толпы, под стеной здания. Оттуда передавали по цепочке какое-то известие, некоторые очередники подпрыгивали, чтобы выкрикнуть его через много голов. Волна с удивительной быстротой достигла центра. Из-под ног ближних к учетчику очередников вывернулась карлица в остроконечной детской шапке с длинными болтающимися ушами. Переданное по эстафете было адресовано сверщику. Когда карлица протараторила ему новость на ухо, он громко присвистнул и напролом зашагал сквозь толпу, врежаясь в не успевших посторониться. Раздались жалобные стоны, но без ропота, без малейшей попытки защититься.

Хотя учетчик решил ничему не удивляться, карлица его шокировала. Ее место было в цирке! Однако и она толкалась в очередях, надеялась получить в городе постоянную работу. А усомнившись кто в достижимости ее цели, она возмутилась бы так же, как старуха Капиша. И, пресекая в зародыше скепсис по отношению к себе, малютка показала учетчику язык.

Сверщик отсутствовал недолго. Еще поспешнее он протолкался обратно и взволнованно сказал учетчику: «Радуйся: у тебя будут взяты свидетельские показания». На главных спорщиков, Лихвина с Капишей, он и не взглянул. «А я отказываюсь!» – громко возразил учетчик. Но, не тратя время на препирательства, Егош энергичным кивком подозвал сипоголового деда, самого крепкого из стоявших вблизи. Вдвоем они подхватили учетчика под руки и понесли к зданию, сминая толпу. Толстая тетка заметалась перед ними, не сумела посторониться ни направо, ни налево, и вдруг, обхватив голову, разметав юбку, повалилась под ноги учетчику. Он повис на спутниках, но все-таки пробежал по мягкой всхлипывающей спине. На бегу он слушал сверщика, тот давал торопливые наставления, не обращая внимания на дикую суматоху вокруг.

«Ни от чего ты не можешь отказаться. Поздно! – отрывисто выкрикивал горбун. – И ни я, ни господь бог ничего не в силах изменить, потому что – непонятно почему! – сверху пришло указание допросить тебя. Сами кадры распорядились. Сейчас тебе предстоит официальный разговор под протокол. И если не хочешь нажить неприятностей, каких и представить не можешь, не вздумай повторять околесицу, что нес во дворе. Никакой философии, никакой лирики, никаких отступлений и комментариев. Только сухие факты!» Учетчику было интересно, что за важные птицы им заинтересовались, чего ради они лезут в мелкую тяжбу, где и без них душно. Но он не спрашивал, чтобы не прикусить язык в тряском галопе.

Втроем они по-богатырски прорубались сквозь толпу. Учетчик испытывал странное чувство обреченности, но вместе с тем и превосходства от мысли, что он вот так запросто, на чужом горбу, едет в один из высоких кабинетов грозного учреждения, о чем только мечтают прокисшие в очередях душонки, причем едет, сам того не желая. Может, стоило посетить город ради удовольствия рассказать по возвращении старому Рыморю анекдот о своем нечаянном возвышении. Поэтому учетчик слегка разочаровался, когда показания будет давать с улицы, через одну из отдушин в цоколе здания (туда он уже заглядывал ранним утром, туда же сверщики очередей кричали об изменениях в списках).

Учетчику велели глубже заглянуть в проем, и он увидел секретаря очереди. Тот восседал за низким раскладным столиком на кипе бумаг. В секретаре учетчик узнал одного из виденных им ночью шахматистов. Секретарь сонно клевал носом. Круглое безбровое лицо поникло над чистым листом бумаги. Свеча, теплившаяся на краю стола, грела крохотный медный чайничек. Он стоял над огнем на проволочном треножнике. Свеча слабо освещала недра подвала вокруг секретарского стола.

Приоткрывшаяся картина ошеломила учетчика, он забыл про секретаря и про допрос. Невысоко вдоль подвала тянулась толстая от теплоизоляции труба. На ней и вдоль нее на земле длинной вереницей сидели и полулежали люди. На учетчика никто не взглянул. Все спали. Один завалился на колени соседа, тот уронил голову на плечо следующего спящего, положившего свою голову на его голову. Каждый тулился как мог. Учетчик слышал лепет видящих сны и похрапывание. Костистый долговязый мужчина сидел на земле рядом со столиком секретаря, глубоко уронив голову между рук. Локти покоились на коленях, длинные кисти свисали вниз, чуть покачиваясь от упорных попыток пушистого котенка допрыгнуть до пуговицы на рукаве спящего. Целый выводок котят с грязной облезлой кошкой расположился у ног мужчины, его грызли, тянули за шнурки ботинок, но спящий оставался безучастным.

Кто были эти люди? Зачем спустились в подвал в таком количестве? Людей разного возраста и пестрого обличья роднила рыхлая бледность давних обитателей пещер. Учетчик опасливо цедил через нос затхлый воздух. Вдруг он сунул голову в карантин, где в воздухе носилась инфекция. Вдруг под зданием была устроена тюрьма и среди узников вспыхнула эпидемия болезни. А кто такой подвальный секретарь? Может, он по совместительству санитар или тюремный надзиратель? Если так, то понятно, почему он вял, сер, неряшлив. Он переутомлен, у него нет времени постирать халат. За городом учетчик не встречал такого резкого контраста внутри одного здания, контраста между задорной девушкой в окне верхнего этажа, сотканной из весеннего ветра, и подвальным кротом с грязно-розовым личиком, казалось, только что вылезшим из норы. А в глубине подвала наверняка есть такие застенки, куда не проникает и лучик солнца. Учетчику вспомнились слова горбуна, знает ли он, что бывает за ложные свидетельские показания. А кто даст оценку показаниям учетчика? И что его ждет, если она окажется неудовлетворительной? От мысли, что его спустят в подвал, учетчик в страхе попятился. Но его удержали.

Движение привлекло внимание секретаря. «Долго ты будешь молча заслонять свет? – недовольно сказал он. – Я уже давно готов вести протокол и, между прочим, трачу на тебя личную свечу». Строго говоря, упрек был несправедлив. Свеча еще грела чайник, секретарь снимал его с огня, подливал и прихлебывал из крохотной чашки, вместо того чтобы сразу приступить к допросу. Но учетчик решил не вступать в пререкания и кротко сказал: «Я тоже давно готов. Спрашивайте». – «Как же я буду спрашивать о том, чего не знаю, что мне совершенно безразлично и никак меня не затрагивает? – едко возразил секретарь. – Я не кадровик, не первоочередник, я всего лишь секретарь очереди. Допросы свидетелей вообще не моя обязанность. Но сверху пришло распоряжение, от которого я и рад бы отказаться, да нельзя. Поэтому мое дело – протокол, не меньше, не больше. Говори, что считаешь нужным, и поскорей».

Учетчик по порядку вспомнил все, что могло иметь отношение к опозданию Лихвина. Начал с того, как утром услышал звук автобуса. Отметил, что это был именно надсадный буксующий вой, его не спутаешь с сытым рокотом едущей машины, и длился вой, пока учетчик шел на звук, не менее пяти минут. Значит, в течение этого времени автобус стоял на месте и отставал от графика. Пятиминутную задержку учетчик готов засвидетельствовать твердо. Кроме того, учетчик видел, как Лихвин выталкивал автобус из ямы, а потом ловко прыгнул на ходу в салон. Эти показания могут подтвердить и другие пассажиры автобуса. К сожалению, учетчик не знает, кто они, где их искать. Вот и все.

Надо признать, протоколы секретарь писал лихо. Пока учетчик говорил, кстати, довольно быстро, рука секретаря так и летала. Длинные грязные ногти, похожие на когти зверька, ими бы норы рыть, с шорохом царапали по бумаге. Из-под шелкающего пера летели чернила. Несмотря на внешнюю суровость, секретарь показал себя отходчивым, свойским малым: уже поставив в протоколе точку, он в раздумье погрыз перо и посоветовал дополнить показания, слишком скупые, на его взгляд, фразой о водителе. Ведь если речь идет о задержке автобуса, то шофер в этом деле, как ни крути, ключевая фигура. Сначала он, и не кто иной, допустил оплошность, а потом сам же ее исправил. Как ни усердствовали толкающие, их помощь стосильному мотору тяжелой махины была ничтожна, главное зависело от расторопности рулевого, от его умения нажимать педали.

Будучи одним из винтиков неведомых учетчику инстанций, секретарь, конечно, лучше знал требования оценивающих протоколы и мог предполагать, что ждет свидетеля, если показания окажутся неполными. Поэтому учетчик охотно согласился с секретарем и добавил: «По моим наблюдениям шофер действовал безупречно. Его вины в опоздании Лихвина нет. Да, автобус попал колесом в яму. Но водитель не ясновидящий, чтобы в метель объехать все ловушки ухабистой дороги. Буксовал шофер грамотно, выводил машину из ямы единственно верным способом – враскачку. При этом умело командовал гурьбой неорганизованных помощников, добился слаженных усилий мотора и мускулов, что, собственно, и позволило выехать. Шофер сделал выводы из случившегося и дальше повел автобус на скорости, очень приличной для тряской дороги, чтобы с разгона проскакать топкие места. При этом был вежлив с пассажирами и ответил на мой вопрос. Содержание разговора нет смысла передавать, поскольку оно не имеет отношения к опозданию Лихвина».

«Никак к делу не относится, – пробормотал секретарь, со смаком повторяя голосом движения пера, – чудесно». Он вывел дату «08.04.80», поднял протокол над головой, подул на чернила и протянул в подвальное оконце свидетелю на подпись. При этом он сладко зевнул и потянулся, как выполнивший долг труженик. Просматривая документ, учетчик слегка отстранился, чтобы дневной свет из-за спины попал на текст. В начале были жуткие каракули, разобрать их мог при большом желании лишь вдумчивый, искусный читатель. Но по ходу составления протокола у секретаря проснулась совесть, или он почувствовал страх перед высшими инстанциями. Документ стал разборчивее, а его окончание было каллиграфическим. По-хорошему следовало переписать протокол набело. Но учетчик решил, что за почерк и отвечать писарю. А ему хотелось поскорее убрать голову из пасти подвала. Унизительно долго стоял он в невольном поклоне перед низким оконцем. Навалилась накопившаяся усталость. Ныли ссутуленная спина и больное колено. В голове шумело, мысли путались. Он с трудом понял секретаря, когда тот вернул ему протокол и недовольно сказал: «В твоей подписи нет номера, без номера она недействительна». – «Это для меня новость, – бессильно вздохнул учетчик, – а что за номер?»

«Не бубните, дайте спать!» – плаксиво крикнули из невидимой глубины подвала. «В изоляторе выпишься!» – рявкнул секретарь с неожиданной для рыхлой груди мощью, и эхо его голоса покатилося под своды подземелья. Как же далеко оно тянулось и сколько народа томи-

лось в нем! Секретарь потер грудь, наверно, закололо сердце, и поморщился. Некстати эта боль, говорила его гримаса.

Он поймал руку учетчика, втянул в подвал и долго рассматривал, слегка поворачивая, точно гадал по линиям. «Темно тут», – пробормотал он, взял свечу, крепко сжал учетчику запястье и стал вновь вглядываться, подсвечивая ладонь снизу пламенем. Учетчик вскрикнул от ожога, рванулся и выскочил из проема. Это уж слишком! Он дул на руку, ища комочек снега остудить рану. Но очередники своими ножищами растолкли снег. Они глазели на учетчика с тупым недоумением, то ли не поняли, что ему больно, то ли ждали продолжения. «Егош! Егош!!» – яростно завопил из проема секретарь. Его голос, гулкий и грозный под землей, пробивался наружу писком. Но горбатый сверщик услышал зов, подбежал к отдушине и угодливо заглянул внутрь. «Ты кого берешь в свидетели? – гаркнул секретарь, в подвале, наверно, стены тряслись от его крика. – Он же без номера! Он, видите ли, “учетчик бригады Рыморя” – и точка. Это же ничего не говорит городским инстанциям. Какой учетчик? Какой Рыморь? Что за бригада? Где ее искать? Сплошной туман, и свидетель из тумана. Отправь я наверх такую бумагу, Движкова с Лукаяновой заставят меня ее съесть и чернилами запить. И правильно сделают! А ты, горбатая гадюка, останешься чист, как младенец, ведь о тебе в протоколе нет и косвенного упоминания».

Горбун стоял под градом упреков совершенно обескураженный, от его спеси не осталось следа. «Кто же мог предположить, что этот малохолный до сих пор не занял очередь, – растерянно бормотал он. – Все входящие в город новички первым делом, чтобы время не текло впустую, занимают очередь. Это так просто, естественно и разумно: пусть она себе движется, пока новичок осматривается в городе и выясняет, что да как. Этот субчик, между прочим, с рассвета околачивается возле нашего учреждения и в какой-нибудь подъезд давно мог встать. Минутное же дело! Но раз у него нет номера, никакой очереди он не занимал. Тогда что он делал столько часов? Не для того же он пришел в город, чтобы вытаскивать из грязи автобусы! Я впервые сталкиваюсь с такой беспечностью».

Рассуждая, Егош не столько пытался снять с себя вину, сколько уразуметь, как мог случиться такой казус. Но секретарь не желал следить за извивами его логики и крикнул, что не позволит красть время своего отдыха после бессонной ночи и впустую жечь свет, ведь новую свечу взамен потраченной ему никто не выдаст. Он с радостью швырнул бы протокол в лицо сверщику, пусть свернет себе из него шутовской колпак, но, к сожалению, бумагу с нетерпением ждущим наверху. В сложившейся ситуации секретарь видел только один выход, может, противоречащий букве, зато соответствующий духу закона. Следовало дать свидетелю номер задним числом: сейчас внести учетчика в список очереди и записать его порядковый номер в протокол допроса, тогда необходимые формальности будут соблюдены.

Очередь поняла мысль секретаря и забурлила вокруг учетчика. Прямо на шершавой стене здания Егош ловко развернул список очереди, желтый от старости рулон обоев. Их свободный от рисунка испод пестрел именами, цифрами, метками, зачеркиваниями. Очередники потянулись на помощь сверщику, множество рук бережно разглаживали свивающийся рулон и плотно прижимали к бетону. «Следующий номер 970 – круглый! – деловито сказал Егош. – Красивое число, а с хозяином не повезло! Жалко отдавать такому обормоту, но делать нечего! Имя скажи». – «Пиши: учетчик бригады Рыморя, – мгновенно ответил за учетчика секретарь, чутко следивший за событиями из подвала. – Подпись в протоколе уже стоит, а она должна в точности соответствовать списку». И он продиктовал имя бригадира по буквам.

Учетчик баюкал обожженную руку. Каждая клетка тела ныла, голова раскалывалась от боли. Будь у него хоть малейший шанс защититься, он не позволил бы этим арапам чертить на себе рабские городские знаки. Но на борьбу не осталось сил. А объяснять, что нет смысла давать ему номер очереди, в которой он ни минуты не собирался стоять, было бесполезно. При

нем они говорили о нем в третьем лице, как о бездушной вещи. Они без него знали, что с ним делать.

Хотя учетчик не проронил ни слова, не сделал протестующего жеста, от него ждали подвоха и хотели пресечь любую возможность сопротивления. Железные пальцы впились ему в ключицы. Его усадили и прижали к земле с такой силой, что ни охнуть, ни вздохнуть. Учетчик протянул было левую руку, чтобы не трогали обожженную правую. Но им непременно нужна была правая. Когда ее выпростали, то не только плечо, локоть, запястье, но каждый палец раскрытой кисти сжали очередники. Учетчик чувствовал себя в тисках сторукого чудовища. Он слышал азартное сопение толпы. Его схватили за волосы и запрокинули голову, чтобы не заслоняла жидкий свет неба, падавший на его ладонь. Учетчик судорожно сглотнул. Но воздух не проходил в легкие через сдавленное горло, и учетчик потерял сознание. Последнее, что он увидел, крючконосое сосредоточенное лицо сверщика. Егош муслил во рту химический карандаш, губы его сделались фиолетовыми.

3. Хфедя

Когда учетчик очнулся, было еще светло или уже светло. Снегопад совершенно прекратился. В разрывах высоких быстрых облаков сверкала синева. Над головой учетчика вытянул голые ветви кривой тополь. Учетчик лежал в незнакомом месте. Его бил озноб, в горле пересохло. Светло-русый малыш лет шести разжимал слабыми пальцами учетчику губы, чтобы протолкнуть комочек снега. «Вы просили пить, – объяснил он, увидев, что учетчик открыл глаза, – а воды, кроме снега, нет». Мальчуган плохо выговаривал «р», но держался степенно, как маленький старичок. Стариковской была его залатанная одежда, перетянутая грубым ремнем из кожаменителя. И свое имя он произнес на старинный лад – Хфедя.

Учетчик пожевал снег, медленно сел, ошупал волплый толь под собой. Вещмешок лежал рядом. Учетчик сидел на скате крыши сарая. Влево и вправо уходил длинный ряд неказистых строений. Тесно, стена в стену, жались они напротив уже слишком знакомой учетчику пятиэтажки, но на почтительном удалении от нее. Низкие кособокие сараюшки точно стыдились своего соседства. Возможно, когда учетчик потерял сознание, его закинули на крышу сарая, чтобы не путался у служащих и очереди под ногами. Но сейчас он вряд ли мог кому-то мешать во дворе. Утреннее столпотворение сменилось безлюдьем. Куцые группки сезонников дежурили у подъездов. Из знакомых учетчик увидел старую Капишу, она стояла первой сбоку от двери второго подъезда, куда подходила ее очередь. Капиша не успела сделать последний шаг со двора внутрь здания: в работе кадровой службы, видимо, наступил перерыв, в окнах учреждения редко где колыхались вялые тени. Задорная девушка из лестничного окна под крышей скрылась, на ее месте темнело закрытое стекло.

«Где все?» – спросил учетчик, с трудом ворочая языком. «Ушли по своим делам, – охотно сообщил малыш, – теперь до вечера тут мало кого увидите». – «А ты?» – «А я крайний. Не могу отлучаться, пока новый крайний не займет за мной. Вы тоже не имели права уйти со двора, пока я не занял за вами. Но у вас и возможности не было: вы лежали без сознания. Честно говоря, я долго сомневался, в какой подъезд занимать очередь, у каждой очереди есть плюсы и минусы, каждая выпячивает свои плюсы и чужие минусы. В конце концов, мне надоело печься о своей выгоде, не по-мужски это. И я выбрал нашу, второподъездную очередь. Вас мне стало жальче других крайних. Наверно, вам я нужнее. Вы так метались в беспамятстве! Пришлось вас сторожить, чтобы вы не скатились с крыши. А главное, вы повторяли, что вам надо срочно уйти. Но как же уйти, если за вами никто не занял очередь? Зато теперь, когда я новый крайний, вы можете смело отправляться по своим делам хоть до завтра. Не хотел бы навязывать свое мнение, куда пойти. Меня предупредили, что священное право каждого очередника по-своему тратить свободное от переключек время. Но на всякий случай скажу, что недавно за сарай прошла компания наших печь в костре картошку. Они перебирали овощи в магазине, весной гнили много, за работу им дали несколько картошек. Меня тоже звали. Но раз уж я не должен отлучаться до появления нового крайнего, то почему бы вам не присоединиться к ним вместо меня? Тут недалеко».

Малыш уважительно называл учетчика на вы. Неуклюже, но искренне хотел ободрить товарища по очереди. Когда учетчик молча отклонил совет пойти к чужому костру, Хфедя сбегал на край крыши, где из-под стены сарая тянулся кривой тополь, и принес учетчику на случай, если он не напился, тощую кривую сосульку. Сам-то малыш жаждал общения. И хотя его смущало, что для впереди стоящего у него не нашлось ничего, кроме снега и льда, он вновь застенчиво заговорил: «Конечно, я еще не настоящий очередник: у меня нет номера. Но мне твердо обещали, что вечером меня занесут в список и присвоят номер. А у вас есть номер?»

Уж наверно никуда не делся, подумал учетчик. Он раскрыл руку, чтобы самому убедиться, что случившееся ему не приснилось. Ладонь распухла и чесалась. Посередине белел

волдырь ожога свечой. Под основанием большого пальца химическим карандашом было жирно начерчено: 970. Над порядковым номером стоял шифр: Ко. 5-II. Его учетчик не помнил. Но смысл угадывался: начальные буквы улицы Космонавтов, номер дома и римской цифрой второй подъезд, куда учетчика записали в очередь. Шифр очереди был вынесен на закругление тыльной стороны ладони, зоркий прохожий мог прочесть его, не заглядывая учетчику в руку. Вероятно, городским очередникам он служил опознавательным знаком для отличия своих от чужих при случайных встречах на улицах. Защищала такая метка или создавала опасность? Пока учетчик знал одно: его номер очереди за время обморока не потерял силу. Если бы его лишили очереди, отняли б и пожитки, а вещмешок остался при нем. Хотя учетчик чувствовал себя разбитым, он твердо помнил про грабительский передел имущества. Варварские обычаи очереди врезались в сознание!

Очередь умела набить себе цену. По Хфедде можно было понять, что Егош вертел им с ловкостью опытного интригана. Рабское клеймо номера, от которого учетчик хотел, но не мог отбиться, которое придется отскабливать песком, чтобы не позориться перед вольными загородными сезонниками, малышу-несмышленишу было преподнесено как знак принадлежности к высшей касте. Хфедя с замиранием сердца ждал, когда его удостоят клейма. Он восхищенно осмотрел номер учетчика, цокнул языком и смущенно признался: «К сожалению, я знаю счет только до двадцати. А тут сколько?» – «Почти тысяча». – «Ого! – воскликнул малыш, но робости не было в его голосе, наоборот, глазенки задорно сверкнули. – Я слышал, чем длиннее очередь, тем быстрее она движется. Тяжелый хвост сильно толкает вперед голову!»

Учетчик ощупал под собой деревянные рейки, крепившие толь, поерзал, готовясь встать. Нечего здесь было ждать. Какой-нибудь местный завхоз, городской коллега учетчика, наверняка посматривает за сараями из окон учреждения. Вряд ли он будет терпеть чужое присутствие на крыше. Прыгнуть с низкого сарая учетчику не позволяло больное колено. Он не знал, как оно себя поведет, когда он начнет спускаться по стволу тополя, держась единственной здоровой рукой.

Учетчик рассеянно отвечал на щебет мальчишки, пока тот с жаром новичка затверживал азы очереди. Единственное, что учетчику интересно было бы узнать, откуда маленький бродяжка пришел в город, какую работу надеялся получить, но об этом собеседник молчал. Наверно, какой-нибудь глумливый староочередник шепнул ребенку, что и на его возраст в городе найдутся вакансии. А в действительности желторотый юнец выстоит громадную очередь только для того, чтобы в отделе кадров с порога получить отказ. Непонятно, для каких целей, но здешние пауки вроде Егоша не ленились ловить в сети всякую мелюзгу. В других обстоятельствах учетчик попытался бы Хфедю образумить, но сейчас был слишком слаб, а еще черной неблагодарностью Лихвина научен, чем чревато спасение стоящих в очереди от очереди.

Из всех, кого учетчик до сих пор встретил в городе, никто не вызвал у него такой чистой, беспримесной жалости. Но учетчик подозревал, что после того, как он не нашел общий язык со зрелыми стояльцами, очередь подслала к нему юношу с безоблачным взглядом. Сам Хфедя мог не понимать, что с его помощью очередь пытается приручить учетчика. Глупо было выдвигать претензии Хфедде, еще глупее забывать, что наивное детское лукавство опаснее лицемерия взрослых.

У малыша не было багажа. В какой-то момент он достал из кармана замусоленный фантик от съеденной карамельки и со вздохом положил обратно. Сейчас он был голоден и зяб в своей одежонке. Но больше волновался о том, что служащим, как ему сказали, принято делать подношения, а ему, неимущему, нечего будет и подарить, когда он отстоит очередь и переступит заветный порог отдела кадров. Правда, бодро заметил малыш, у него еще есть время найти подарок, а выяснить вкусы кадровиков помогут советы старших по очереди. После этого предисловия Хфедя уже совершенно естественно поинтересовался, чем запасся его впередистоя-

щий сосед. Но учетчик был начеку. Он сухо ответил, что в мешке одно учетное железо, дарить его запрещено, оно мало кому интересно.

Он даже не спросил у Хфеди, как пройти на окраину, хотя это представлялось таким логичным: малыш вошел в город, наверно, позже учетчика, когда метель уже улеглась, и ясно видел путь. Быстро же город выучил учетчика не рассчитывать на чужую помощь, доверять только своим глазам, полагаться лишь на свои силы.

4. В горсаду

Через полчаса учетчик шел по центральной улице. Он наклонился вперед под тяжестью вещмешка и осторожно ступал на большую ногу. Что могло помешать ему без подсказок пройти насквозь этот городишко? Он же не столица, не крупный промышленный центр. Его пересекают из конца в конец одна-две главные улицы. На какую-то из них его уже вывез автобус. Если идти, не сворачивая в боковые улочки, дорога сама выведет за город. Путь, может быть, не короткий, зато надежный.

Учетчик привык вольно шагать по безлюдным проселкам. Пробраться вдоль оживленного шоссе было сложнее. Едущие в обе стороны машины давно превратили свежесвыпавший снег в черную и рыжую жижу, веером летевшую на обочины. Учетчик то выжидал, то бежал мимо луж, чтобы огромные, страшно крутящиеся колеса не обдали его грязью. Когда на шоссе разъезжались две большие машины, учетчик сходил в кювет, в глубокий, черный от копоти снег. Тротуар вдоль дороги был не везде. Раскисшая пешеходная тропа, теснимая деревьями и заборами, вилась то с одной, то с другой стороны улицы. Где дорога пересекала ложбину или ручей насыпью, тропа покорно ныряла вниз по рельефу, тогда уже грязь из-под колес дождем летела сверху, от нее не защищали редкие чахлые деревца на обочине. Без листьев, в клубах гари, они выглядели мертвыми, невероятным казалось их пробуждение, но учетчик наметанным глазом видел набухшие почки.

На тротуар из боковых улочек выныривали служащие. И поскольку они являлись постоянными городскими работниками и спешили по делам, а учетчик шел без дела, сторониться приходилось ему. Не уступи он дорогу, они бы его оттолкнули. В результате, таща на спине мешок, он вынужден был лавировать, переходить с одной стороны дороги на другую и полз, как улитка.

Даже если учетчик по невезению, а в последние сутки оно преследовало его неотступно, выбрал из главных улиц длиннейшую, вряд ли до городской черты было больше пяти километров. В нормальном состоянии полчаса ходьбы. Но силы были истощены метелью и очередью. С рассвета он держался на нервах.

На перекрестке главных улиц учетчик выбрал дорогу вниз. Это было вероятное направление к реке. По загородным рассказам учетчик помнил, что с одной стороны естественной границей города служит река. Дорога привела на мост, под ним текла река, но не та. Она больше напоминала ручей. Над узеньким руслом от берега до берега нависали ивы. С обеих сторон речушку стискивали просторные огороды, частью свежевскопанные. Некоторые безо всякого забора тянулись до самой воды. По берегам вытаивали кучи мусора. Вечно занятые, спешащие горожане просто сдвигали его в обрыв. На одном огороде резвилась рослая кудлатая псина, весна пьянила.

Без сомнения, под мостом тек приток нужной реки. Парой недель раньше учетчик ушел бы к слиянию по льду. Но сейчас он рисковал провалиться: лед истончился, под ним пульсировало течение, местами вода выплескивала на поверхность. А проход по берегу, по рыхлому снегу, ошетиенному густым кустарником, был слишком труден.

Учетчик пошел дальше по центральной улице, ища первое ответвление влево, чтобы повернуть по течению притока. Но затяжной подъем от моста в гору казался беспросветным. Слева от дороги высились заборы и здания, в основном двухэтажные каменные постройки с ветхой лепниной на фасадах. Над мощными сводчатыми окнами трогательно висели балкончики. В плотный ряд тяжеловесной старой архитектуры втиснули современную коробку дома быта и легкомысленный кинотеатрик. Лишь когда подъем кончился, за огромной кирпичной руиной непонятного происхождения потянулась прозрачная решетка горсада. Странно было соседство места отдыха горожан с заброшенными развалинами.

Железные ворота в маленький пустынный сад были приотворены. Учетчик прошел среди свободно растущих старых деревьев, мимо памятника юному герою на высоком постаменте, мимо ржавых аттракционов, мимо круглой деревянной эстрады и вдруг очутился на краю обрыва. Дух захватывало, такой отсюда открывался простор! Учетчик стоял над рекой. Она текла с юга на север медленной широкой лентой. Из-под ног спускался к реке огромный высокий берег, плотно застроенный. Между учетчиком и водой петляли узкие улочки, сквозь голые кроны садов виднелись домишки. Зато на противоположном, низком и пологом берегу открывалась ширь лугов, за ними до горизонта темнел лес.

На таких заливных лугах после половодья остаются в понижениях озерки. Когда вода спадает, зашедшая на луг рыба не может уплыть в реку. На мелких, прогреваемых солнцем водоемах, удобных для ловли и разведения рыбы, Рыморь планировал открыть новый весенний сезон. И хотя накануне бригадир заночевал в сугробе по эту сторону реки, уже сегодня он вполне мог перейти на другой, пологий берег, чтобы до самого начала сезонных работ держаться на границе паводка, чутко следя за переменами, отступая и наступая с водой. Там его и следовало искать, причем не мешкая. Лед скоро должен был тронуться. Сверху учетчик видел черные точки сезонников, с безостановочностью муравьев они колупали ледяной панцирь. От дружных усилий по льду бежали трещины. Под одним из рискованных парней открылась полынья, он ловко отпрыгнул, тяжелая льдина закачалась на воде, как голодная рыбина. Сколько же удали, силы и простого весеннего озорства после дремы зимнего безделья ощущалось в действиях ледоколыщиков! И как жалок на их фоне был какой-нибудь Лихвин, мелочный здоровяк, трясущийся за свое место в такой же алчной, оглядливой очереди! В стороне от ледоколыщиков, на широком участке русла, где лед казался белее и прочнее, реку медленно пересекала крохотная фигурка. Может Рыморь, может нет. Не важно, в любом случае учетчику следовало переправиться на тот берег. Иначе близкий ледоход и разлив реки отрежут его от фронта весенних работ недели на две.

Почему же учетчик медлил и мерз на ветру? Ничто ему не препятствовало, с этой стороны парка ограды не было. Из круто срезанного склона торчали корни деревьев. С возвышения, где стоял, учетчик мог спуститься на три метра в проходившую под ним улицу, а потом ноги сами вынесут к реке. Но теперь, увидев ее, он успокоился и тщательно взвесил силы и шансы. Ему предстояло пересечь реку с тяжелым мешком по изъязвленному тонкому льду. И что его ждало на другом берегу? Долгие одинокие ночевки у костерка, крошечная враждебная тьма, скудость уходящей зимы. Рыморя он может искать неделю. В вещмешке учетчика немного одежды и рабочий инструмент, продуктов нет. Случайно добыть в это время за городом что-то съестное почти невозможно, подножный корм давно подобран. Щелкать зубами от голода, глядя на вольные звезды, учетчик еще успеет. Сейчас, пока не вечер и ничто не предвещает новой метели, не мешало бы отдохнуть и подкрепиться перед уходом. Неспроста ноги привели его в место отдыха.

Город в этой части был другой, суше, выше, просторней, чем на Космонавтов. Там, за окнами пятиэтажек, ощущалось присутствие сотен служащих, дворы сочлились юшкой очередей, в подвалах сидели то ли больные, то ли проштрафившиеся. Ни оставаться лишней минуты в том болоте, ни просить пищу у его обитателей учетчик, понятно, не мог и не хотел. Но здесь то не виднелось и куцых очередей. Машины гудели тише и реже, прохожие шли мимо, не заходя в ограду. Здесь учетчик не жевал колючую снежную кашу для утоления жажды. Он вволю напился из уличной колонки. А главное, в углу горсада притулилась небольшая столовая. Снаружи она была похожа на принаряженную колхозную столовую. Она притягивала учетчика, как все полужнакомое в незнакомом месте. Столовая еще не открылась на обед. За огромными стеклами зала, они глядели не в парк, а на улицу, стояли пустые столы. Зная по опыту, что кухня оживает задолго до открытия заведения, учетчик прошел в здание через служебный вход. Раскормленная подачками дворняга ревниво зарычала на чужака. Он на ходу угрожающе

повернулся к ней, она трусливо отпрянула. Внутри столовая уже разогрелась, источала густые запахи кухни.

Миловидная женщина в белом халате и маленьком колпаке быстро мыла руки и поглядывала в зеркало над умывальником. «Эх, очереднички, куда от вас деться? Прогонишь с глаз – дышите в шею!» – беззлобно сказала повариха отражению учетчика в зеркале. Она резво обернулась и растопырила пальцы, брызги теплой воды полетели в лицо учетчику. Служащая, видимо, торопилась на кухню, чтобы в ее отсутствие ничего не подгорело. Она ушла, не дождавшись, что скажет учетчик. Он и не собирался ей отвечать. Она его не прогнала, не затопала ногами, не кликнула других поваров, чтобы выгнать раннего посетителя. Этого было довольно. Она явно не впервой видела голодного сезонника, потому что вела себя, как женщины в колхозных столовых, властные, знающие себе цену, но добродушные от тепла и близкой сытости. Учетчик погрузил руки в струю теплой воды, промороженные пальцы больно заныли, он потерпел, тщательно умылся, снял шапку и расчесал обломком гребешка волосы. Номер очереди на ладони сразу не отмылся, скоблить было некогда.

На кухне скворчали и булькали кушанья, но там появление постороннего стало бы открытым вызовом бригаде поваров. Учетчик прошел в пустой зал. На одном столике он увидел остатки прерванной трапезы: нанизанные на вилки вареные картофелины, порезанные кругами соленые огурцы, тарелку хлеба. Стульев вокруг было больше обычного, евшие взяли их от соседних столов и далеко, по-хозяйски отодвинули в сторону, когда вставали из-за стола. На полу пряталась за ножкой стола початая бутылка 45-градусной сибирской водки (на этикетке тройка лошадей скакала по снежному полю). Наверно, за этим столом завтракали на скорую руку и согревались после дороги от дома до столовой сами поварихи.

Учетчик пошел на безлюдную раздачу и взял, что было выставлено заранее или не убиралось со вчерашнего дня: салат из зеленых помидоров и холодную рыбу под маринадом. Все несвежее, но выбора не было. Рыба была не местная, не речная, учетчик такой не знал. Он ел через силу, переутомление и запахи холодильника отбивали охоту, но надо было подкрепиться перед дальней дорогой. Учетчик налил стопку водки и положил зеленую дольку вытекшего помидора на ломтик хлеба.

Он медленно завтракал, осторожно выбирая из костей рыбу и замирая при появлении поварих. Они выглядывали из окна, соединяющего зал с посудомойкой, выносили из кухни на раздачу огромные кастрюли, сковороды и противни с дымящимися яствами, на которые учетчик старался не смотреть. Главная повариха на минуту села за кассу. Блеснув золотом зубов, она с шумом выдвинула и задвинула ящик для денег. Учетчик оставил намек без внимания. Денег у него, разумеется, не было.

Уйду, когда придут убирать посуду, решил он. Не могли же они открыть для посетителей зал с обедками служебного завтрака на столе, с водкой под столом. Учетчик предусмотрительно не сел за чистый стол, чтобы не вынуждать убирать отдельно за собой. Он изредка подкармливался в сельских столовых и знал, как держаться в рамках приличий. Пока он не прибавил поварихам работы и не взял ничего существенного. Они, без сомнения, могли списать со счета старый салат и рыбу, не съеденные вчерашними и позавчерашними клиентами. А на свежие блюда из дефицитных продуктов, на мясо, масло, сметану он не покушался. Поварихи не платили из своего кармана за каждый кусок хлеба. И, уж конечно, не чертили риски на бутылке водки, чтобы возмутиться малейшей убылью. Неизвестно, как богато жили они за стенами столовой, но внутри не ограничивали себя в питье и пище, в этом учетчик не сомневался.

Он выпил водки, для аппетита и чтобы после голодовки не заныл желудок (с ним было такое, когда натошак поел орехов). Перед трудной дорогой, при накопившейся усталости он налил себе 50 грамм, не больше. Теперь, когда выход из города найден, он не хотел уснуть, ткнувшись лбом в столешницу.

Сквозь огромные стекла зала учетчик видел, как по противоположной стороне улицы стремительно прошла стайка очереди. Ее вожак, знакомый учетчику сипоголовый старикан, на ходу оборачивался и что-то энергично внушал спутникам. Учетчику было неинтересно, кого они искали, чего промышляли. Благо, на столовой висел замок. А через мутные окна зала нельзя было различить на фоне темной стены неподвижно сидящего учетчика.

Целеустремленность прохожих навела учетчика на мысль, что и ему не худо бы заняться делом, посчитать за едой.

5. Проверка вещей

Учетчик подтянул к себе здоровой ногой свободный стул, развязал вещмешок и стал методично выкладывать содержимое.

Он решил проверить, не пропало ли чего во время обморока. Кажется, в мешок не заглядывали. Горловина была стянута хитрым личным узлом учетчика. Распускаясь одним движением, но если бы очередь развязала узел, она не стала бы утруждать себя его вязанием в прежней замысловатой последовательности. Очередь могла без объяснений забрать мешок, однако не сделала этого, как не сняла с руки учетчика, пока он лежал без сознания, водонепроницаемые командирские часы. В мешке все было на месте. Если учетчику не изменяла память, вещи лежали в той же обертке в том же порядке, как он укладывал их осенью, по окончании сезонных работ. Кое-где пятнышки плесени коснулись чистых тряпиц.

Все передряги зимы, снегопады и бураны, морозы и капли не повредили писарскую матрешку. Так для краткости называлась в учетчицком обиходе упаковка канцелярских принадлежностей: перья и карандаши в круглом пенале, круглая чернильница и круглый пузырек чернил были закатаны в бумажный рулон и поверну обернуты берестой. Она защищала от влаги, а также использовалась для износостойких документов. Прочий учетный инструмент был таким же компактным, опрятным, готовым к действию, как взведенный механизм. С веселым чувством припоминания подзабытых движений учетчик щелкнул косточками маленьких счетов, взял в ладонь плоский кругляш рулетки, вытянул и отпустил ее язычок, он с голодным свистом сам втянулся обратно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.